

Фармацевт

Александр
Санфиоров

Александр Юрьевич Санфиров

Фармацевт

Серия «Фармацевт», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68951760
А. Санфиров. Фармацевт:

Аннотация

Ничего нового. Все, как обычно. Сознание пожилого врача – психиатра обнаруживает себя в теле подростка пятнадцати лет в 1966 году. Очень сложно выбрать новый путь в жизни, как быть и что делать. Поэтому, не мудрствуя лукаво, он практически плывет по течению, стараясь жить обычной жизнью обывателя. не собираясь ничего менять в истории страны и мира. Вопрос в том, получится ли это у него?

Александр Санфи́ров

Фармацевт

Александр Санфи́ров

* * *

– Гребнев, к доске, – раздался строгий голос учительницы математики.

Витька нехотя встал, громко хлопнув крышкой парты.

– А чо, меня опять спрашиваете, Валентина Яковлевна? – тоскливо заныл он. – На том уроке к доске вызывали, и на этом тоже.

Одноклассники захихикали. За окном класса стояла весна 1966 года, в те годы ученики одевались достаточно скромно, девочки в обычных школьных платьях, ну, а мальчишки, кто во что горазд. По одежде Гребнева можно было сразу понять, что с деньгами в его семье дела обстоят не очень хорошо. На локтях его пиджака, заношенного еще старшим братом, погибшим год назад, виднелись аккуратные заплатки. Такие же заплатки красовались и на брюках. А застиранная рубашка, когда-то имевшая наглость называться белой, была застегнута на аккуратно пришитые, но разные пуговицы.

– Кого хочу, того и вызываю, – сварливо сообщила учительница. – Сейчас Гребнев расскажет нам три признака по-

добия треугольников.

Витька печально вздохнул и направился к доске.

В классе откровенно заржали, глядя на его невзрачную фигурку. Действительно, Гребнев был самым мелким пацаном в классе, за что получил гордую кликуху – шибздик. За время учебы кличка много раз мутировала от шибздяка до шибзды и бздика. Но к восьмому классу в школе его знали под прозвищем Шибза, и мало кто помнил, с чего все началось.

Кое-как ответив, Витька уселся за парту и почти сразу зазвенел звонок.

– Ребя! Бежим в буфет! – заорал Сережка Харьковский – надо очередь занять!

Витька подскочил и ринулся к дверям, в которые уже пытались протиснуться самые шустрые парни. Из девочек никто не захотел участвовать в толкучке. Они насмешливо и с долей презрения следили за своими одноклассниками. Еще бы! У девочек уже грудь появилась, а парни, как были дураками, такими и остались.

Ничто не предвещало беды, когда Витька выбежал на лестничную клетку, но когда он поставил ногу на ступеньку, то запнулся об кого-то и кубарем покатился вниз по ступенькам. Он влетел головой прямо в пол, а затем упал на спину и уставился незрячими глазами в потолок, а на полу тем временем под его головой расплывалась небольшая лужица крови.

На дикий визг девчонок мгновенно собралась толпа любопытных учеников, сквозь которых пришлось пробираться встревоженной медсестре и пожилому директору школы, на ходу достававшему из нагрудного кармана валидол.

– Жив! – сообщила медсестра, проверив пульс на сонной артерии. – Надо скорую вызывать.

Директор, кинув под язык вторую таблетку валидола, принялся разгонять всех школьников на урок, звонок на который прозвучал пару минут назад.

Скорая помощь появилась через пятнадцать минут, а через двадцать Витьку Гребнева на деревянном щите и зафиксированной головой везли в городскую нейрохиргию.

– Блин! Как ломит голову! С похмела что ли? – проламываясь сквозь боль, я пытался понять, где нахожусь и что вообще происходит. Глаза у меня вроде бы были открыты, но вокруг стояла полная темнота.

Попытка повернуть голову не удалась, но зато отозвалась еще большим приступом болей так, что невольно застонал.

В ответ на мой стон в пересохший рот полилась струйка воды. Я прихватил губами носик чайника и начал лихорадочно глотать такую желанную прохладную жидкость. После чего вновь впал в забытие.

Придя в себя, через какое-то время открыл глаза и увидел в ярком дневном свете высоко над собой белый потолок с отшелушивающейся известкой.

Помня о боли, очень осторожно повернул голову налево, и увидел на соседней койке мужика с забинтованной головой, похрапывающего во сне. Повернув направо, увидел примерно такого же мужика с забинтованной головой, только его нога была загипсована и подвешена на сложной системе блоков.

– Понятно, я в больнице, и, скорее всего, в травме, или нейрохирургии, – подумалось мне. – Только я то, с какого перепуга здесь оказался?

Попытка проверить свою память оказалась тщетной. Я помнил подробно, как пришел на корпоратив в честь столетия нашей психиатрической больницы. Помнил, как поднимал бокал, как танцевал с жарко обнимавшей меня главбухом Марией Ивановной Петуховой весьма симпатичной женщиной средних лет. А потом все, память отшибло напрочь. Последнее, что помню, как Мария Ивановна, стоя на коленях, лихорадочно расстегивала мне ширинку на брюках.

Оставив воспоминания на потом, снова начал разглядывать соседей по палате. Как ни странно, но из шести больных в сознании кроме меня никого не было.

Остановив взгляд на загипсованном больном, удивленно подумал:

– Интересно, ему вытяжку, что ли делают? Надо же! Не знал, что у нас такие технологии еще в ходу.

В это время распахнулась дверь и палату зашла медсестра, толстая бабенция лет сорока пяти. И если бы я не лежал,

то точно бы упал в обморок. В руках она держала лоток со шприцами. И эти шприцы были многоразовыми.

– Боже! Куда я попал! Здесь садисты собрались? Откуда она набрала такое старье?

Пользуясь тем, что больные ничего не соображали, медсестра быстро делала им уколы в бедро. Когда она ткнула иголку в бедро моему соседу, та не пробив кожу, согнулась напополам.

Медсестра, не задумываясь, пальцами выпрямила иголку и вновь засадила её в бедро. Мужик что-то промычал и дернул ногой.

– Ну, все, все, – пробурчала женщина и повернулась ко мне.

– Увидев мои открытые глаза, она слегка вздрогнула и сказала:

– Мальчик, у тебя укольчик пенициллина.

– Я не разрешаю делать укол многоразовым шприцем, вы меня гепатитом заразите, или СПИДом! – воскликнул я и испуганно замолк.

Тонкий писклявый, отвратительный голос был не моим и, причем тут мальчик?

– Поворачивай жопу ко мне, – приказала медсестра. – Хватит дурью маяться, мне еще две палаты надо проколоть.

– Даже не подумаю, – сообщил я тем же голоском. – И вообще я на вас жалобу напишу в Минздрав, будете знать, как старыми иголками больных колоть и без перчаток работать.

Что тут у вас за бардак происходит?

– Ах ты, шкет! Не успел в себя придти, как права качать начал! – воскликнула толстуха.

– Вера, что у тебя случилось, что за крики? – послышался мужской голос и в палату заглянул врач, высокий мужичок грузинистого типа.

– Георгий Георгиевич, представляете, этот пионер только в себя пришел и сразу претензии начал предъявлять, – возмущенно доложила медсестра.

– Молодой человек, потрудитесь объяснить, чем вы недовольны? – спросил врач.

К этому времени, несмотря на шум в голове, я уже сообщил, что со мной происходит что-то непонятное, поэтому уже более спокойно сказал, что не хочу, чтобы мне делали уколы многократными шприцами, так, как боюсь заразиться гепатитом. Все это сообщил прежним писклявым голосом, так не похожим на мой прежний.

Собеседник нахмурился.

– Молодой человек, поздно пить Боржоми, когда почки отказали. Мы ведь тебя уже неделю колем, и еще один укол уже не повредит. А одноразовых шприцов у нас не имеется, рожей мы для них не вышли. Так, что поворачивай свой глютеус, я тебе помогу, и Вера Николаевна сделает укол.

– Обойдетесь, – сообщил я и натянул на себя одеяло. После чего уставился на свои руки. Они тоже оказались не мои.

– Да я же херов попаданец! – наконец, дошла до меня

правда жизни, что-то долго я соображал, хотя прочитал за свою жизнь не одну сотню книжек с такими приключениями.

– Скажите, какой сейчас год? – неожиданно охрипшим голосом спросил я.

Георгий Георгиевич окинул меня заинтересованным взглядом и спросил:

– Паренек, а ты вообще, что-нибудь помнишь? Расскажи немного о себе.

Я задумался.

О себе я мог рассказать много чего интересного. А вот о мальчишке, в котором сейчас нахожусь, не знаю абсолютно ничего.

– Что, даже имя не помнишь? – спросил доктор, видя мои раздумья.

Я отрицательно мотнул головой.

– Ви... – сказал доктор. Видя, что я продолжаю тупо смотреть на него, он продолжил:

– Викт...

– Виктор, – сказал я, – Виктор Гребнев.

И, замолк, почувствовав, как новые знания укладываются в моей памяти, в процессе чего снова отключился.

Видимо без сознания я провалялся достаточно долго, не день и не два, потому, что у соседа справа, когда я открыл глаза, блоков уже не наблюдалось, зато гипса явно прибавилось.

Но мне уже было не до него. Я разбирался с воспомина-

ниями прежнего хозяина этого тела. Увы, мальчишка умер. Момент смерти совпал с попаданием моей души, или еще какого-то нематериального образования в его мозг. И сейчас я являюсь его полным владельцем. Каким-то образом, моя память и память юноши смогли сосуществовать, и я сейчас вполне свободно пользуюсь ими обеими. Эх, в другой обстановке, я бы мог пофилософствовать со своими коллегами, начитавшимися Ясперса, и Гегеля. Но сейчас обстановка не располагала. Не с кем было размышлять об ощущениях собственного Я и вещи в себе.

Сейчас моя мини задача состояла в том, чтобы не допустить очередную медсестру, вооруженную шприцом к своей заднице.

Чувствовал я себя на удивление неплохо, лишь немного ломило затылок.

Собравшись с духом, я уселся в кровати.

– Эй, пацан, не вздумай вставать, – предупредил загипсованный сосед. – Если хочешь в туалет, позови санитарку, она утку подаст.

Да, санитарку придется позвать, ибо звонков в палате не предусмотрено.

Какие звонки в 1966 году.

Голова закружилась, и пришлось снова улечься в кровать. Как раз подошла санитарка и со старческим ворчанием ловко подсунула мне утку.

– Смотрю, оклемался ты паренек, – заметила она между

делом. — А когда тебя привезли, говорили, не жилец. Литру крови с головы откачали.

Я вздрогнул, в памяти моего предшественника хорошо запечатлелся момент, когда он со всего маху влетел головой в метлахскую плитку лестничной клетки.

Санитарке я ничего не ответил, да она ответа и не ждала. Забрав утку, она двинулась к дверям.

А я вновь пытался разобраться, что же произошло со мной, после танца с главбухом во время корпоратива. Но вместо воспоминаний на этом месте оставалась настоящая черная дыра.

Похоже, наша мизансцена с Марьиванной в туалете, не оставила равнодушным кого-то из гостей и тот нанес мне, как пишут в милицейских рапортах, травмы несовместимые с жизнью. Но теперь это уже было неважно. Все произошло в другом времени, отделенным от настоящего момента почти шестьюдесятью годами. Целая человеческая жизнь можно сказать.

Мои размышления были прерваны буфетчицей, привезшей лежачим больным обед в палату. Из шести больных таковых имелось двое, я и сосед. Остальные лежачие хрипло дышали на своих койках, в сопорозном состоянии, дожидаясь, когда им медсестра нальёт жидкой каши в желудок по зонду, потому, как самостоятельно есть не могли.

Только вдохнув запах не особо аппетитного обеда, понял, как оголодал. Свесив ноги с кровати, уселся ближе к тум-

бочке, где стоял мой обед и принялся за еду. Капустные щи, сменились тушеной капустой с рыбной котлетой, но я сожрал все и даже попросил добавки. Котлеты мне, естественно, не дали, но капусты наложили даже больше, чем в первый раз.

С этого дня выздоровление пошло стремительными темпами. Вскоре я уже бродил неприкаянным призраком по отделению, что весьма не нравилось персоналу. Ну, привыкли они, что их пациенты в основном спокойно себе лежат на койках и никуда не встречаются.

Я собственно тоже никуда не встречал, занимался читкой газет и прочей литературы, попадающей в руки.

Вообще ситуация была неприятная. Мой предшественник в этом теле, ухитрился получить травму практически в конце мая. Считай, весь июнь я провалялся в больнице. А экзамены за восьмой класс то не сданы.

В принципе мне было наплевать на экзамены, но, к сожалению, меня никто особо не спрашивал. Ни учителя, ни мама. Та, придя в больницу, после непродолжительных рыданий и объятий заявила, что обо всем договорилась, и я смогу сдать экзамены сразу после выписки. Все учителя в курсе моего несчастья и придирааться не будут.

Я слушал эту, совершенно чужую для меня женщину и понимал, что при всем желании не могу её огорчить, и насколько возможно буду играть роль её сына. Тем более, что одного сына она уже похоронила. Старший брат Витьки погиб во время службы в армии.

Я же в это время был озабочен совсем другим. Никогда бы не подумал, что так прикипел к сотовому телефону и возможностям Интернета. Их отсутствие раздражало до ужаса. То и дело ловил себя на мысли, что надо позвонить, или зайти на очередной сайт.

Наверно из-за этого я вел себя слегка неадекватно, так, что меня отправили на консультацию к психиатру. Увидев его, я не смог сдержать смешка. В кабинете сидел мой коллега, можно сказать учитель Абрам Кацман. С ним я познакомился еще в интернатуре, когда начал работать в психиатрии, он к этому времени уже проработал более десяти лет и для меня казался неистощимым кладезем премудрости.

Сейчас же он был только в начале своей карьеры, поэтому внимательно относился к беседе с больными.

Мы с ним поговорили за жизнь, пришлось растолковать пословицы, разгадать несколько загадок и даже пройти тест Роршаха. Меня так и подмывало подшутить над ним, но удержался, зная, что Абрам шуток не понимает и может написать всякую гадость в заключении.

Выйдя из кабинета, я открыл историю болезни, в которой синим по белому было написано: Умственная отсталость в степени легкой дебильности на фоне перенесенной черепно-мозговой травмы.

– Отлично, даже шуток не понадобилось – подумал я. – Хоть в армию не возьмут. А если и возьмут, то только в стройбат. Два года придется терять. Эх, жизнь моя жестянка!

Интересно, кто был тот подлец, что отправил меня на перерождение. Приревновал, что Петухова не ему собралась делать минет. Вот ведь гадёныш! Между прочим, Марьяванна Петухова свободная, самостоятельная женщина и сама решает, где и с кем проводить время.

А ведь в принципе у меня была вполне приличная жизнь.

Авторитетный заведующий отделением психиатрической больницы, кандидат медицинских наук. Ну и что, что мою диссертацию никто кроме рецензентов не читал, главное, что денежки за звание капали. Квартира, машина, дача, десять лет назад развод с женой, любовница, двое взрослых детей и четверо внуков, что еще нужно для счастья. И вот какой-то хмырь лишил меня всего этого набора, запихнув в тело восьмиклассника, которому придется заново добиваться всего этого капитала.

Кстати, визит Валентины Викторовны, матери моего нынешнего тела, что-то сдвинул в моём мироощущении. До её появления я занимался ерундой. Большую часть времени размышлял над тем, каким образом моё сознание переместилось на много лет назад, притом в юношу из того же города, но почему-то не в меня молодого и кто в этом виноват.

Однако беседа с матерью заставила оставить бесплодные умствования, от которых полезного выхода было ноль целых ноль десятых и перейти к размышлениям о своём будущем. Что-то мне подсказывало, раз я переселился в новое тело, жить в нем придется до самой смерти, так, что от этого и

начнём плясать.

Увы, особой пляски не получалось. Да, знания врача-психиатра остались у меня в полном объеме, вот только кому они сейчас нужны? Правильно, никому. Второй вопрос, есть ли что-то в прошлом, то есть в настоящем, что-то такое, что поможет мне в жизни?

Да ни фигя! О кладях я знать ничего не знаю, итогов всяческих матчей не помню. От большинства песен спою по паре строчек. Да и со слухом у меня проблемы. Последние годы я даже телевизор не смотрел, мне вполне хватало изучения своей специальной литературы, ну и лазанья по сайтам в Интернете. Вот такой я бесполезный для общества попаданец, ничего толкового из будущего не притащил, даже кнопочного телефона, не говоря уже об айфоне. А уж заявить о том, что я из будущего, мне и в голову не могло придти, учитывая мою профессию.

Эх, сколько таких гостей из будущего перебивало у меня в отделении! Надо сказать, что за тридцать лет работы структура бредовых высказываний шизофреников претерпела значительные изменения. В прежние времена о космосе редко вспоминали. Больше о ведьмах, русалках и прочей нечисти. Помню, правда, одного больного, считающего себя сыном Аллы Пугачевой. Он свой дом изнутри обшил листами алюминия, чтобы заэкранировать космические лучи, которыми его облучали зеленые человечки. Вроде помогло. По крайней мере, к нам попадать он стал намного реже. В по-

следние годы все больше моих пациентов вступали в контакт с инопланетянами, участвовали в межгалактических сражениях и телепатически общались с братьями по разуму в иных измерениях. Конечно, это были мужчины. У женщин же вся бредовуха была основана на сексе, и слушать их быстро надоедало, тем более они моментально включали в свой бред лечащего врача, то есть меня, что было не очень приятно.

Я же вроде бы считаю себя здоровым индивидуумом, чтобы рассказывать о переселении душ и в результате навек поселиться в палате № 6. Хотя, кто его знает? Возможно, я недалеко ушел от моих бывших пациентов. Самому себе диагноз психического заболевания не поставишь.

Ага, а вот это интересное воспоминание! Оказывается, Витька Гребнев неплохо рисовал, но, будучи стеснительным парнишкой, никому об этом не говорил.

В альбоме, который принесла мама, чтобы мне было чем заняться, имелось несколько карандашных набросков, с моей непрофессиональной точки зрения вполне приличных. Интересно, смогу ли я повторить эти рисунки?

Но сейчас надо было определяться с будущим, и решать продолжать ли учебу в школе, или идти в техникум и получать профессию. По Витькиным воспоминаниям жили они с мамой от зарплаты до зарплаты, но вдвоем на восемьдесят рублей особо не разбежишься, поэтому приходилось экономить. Хорошо еще, что сразу за домом начинался лес, поэтому в сезон не надо было далеко ходить, чтобы натаскать гри-

бов и ягод на целый год вперед. А с разработанного огорода снималось по десять мешков картошки и в меньшем количестве прочих овощей.

В общем, к моменту выписки из больницы я определился – надо поступать в техникум, или ПТУ. Не определился лишь с вопросом, в какой именно техникум я хочу попасть.

В первых числах июля меня после долгих и упорных просьб выписали домой. Да, это вам не лечиться в российской больнице по страховому полису ОМС, когда тебе дадут пинка сразу после того, как ты отлежишь установленный срок для своего заболевания. У нас пока еще лечат, сколько потребуется, хотя за всю огромную страну говорить не буду. Знаю только одно правило действительное в нашей стране для всех времен. Чем южнее ты живешь, тем дороже тебе обойдется лечение, а качество будет ниже.

– Ты Витек, на удивление быстро восстановился, – отметил при выписке лечащий врач. – Пожалуй, я такого еще не видел. И заметь, как я тебя классно заштопал. Даже вмятины в твоей глупой башке не осталось. Все черепные косточки сохранил. На рентгене следы перелома почти не видны.

Я с благодарностью кивнул доктору. Действительно, мне повезло, а мог бы, как многие больные ходить с вмятиной на полголовы и год ждать очереди на постановку металлической пластины, и постоянно носить шапку, чтобы не пугать окружающих своим видом.

Хотя я относил мое быстрое восстановление большей ча-

стью на счет той неведомой силы, перенесшей мое сознание не только на шестьдесят лет назад, но и на многие миллиарды километров назад, в ту точку, где планета Земля находилась в то время и затем со скоростью 200 км/с удалялась от нее. Но переубедить доктора я не собирался. Пусть относит мое выздоровление на счет своего профессионализма.

Мама, зная о выписке, пришла меня встречать. Что было совсем нетрудно. Наш дом находился на другой стороне улицы, где располагалась больница, и закрывался от неё зданием станции переливания крови.

Обойдя здание станции, мы вышли на узкую грунтовку, ведущую к двум деревянным двухэтажным домам, расположенным на краю лесного массива.

В дальнем доме на втором этаже располагалась наша квартира.

Когда мы подошли к входу в подъезд, из него вывалился пьяный в хлам Валерка Лебедев, парень примерно моей комплекции, но на год старше.

– О, какие люди! Шибза, ты чо, уже поправился? – воскликнул он, размахивая гитарой, держа её за гриф.

– Ой, здрасти, тетя Валя! – поздоровался он с мамой.

– Здравствуй, Валера, – печально вздохнула та, – Ты, почему не в училище?

– Тётъ Валь, ты чего? – натурально удивился Валерка, – у меня же практика сейчас, на заводе.

– Да, вижу я, как ты практикуешься, – сердито ответила

мама. – Опять на гитаре весь вечер тренькать будешь?

– Ага, буду, – согласился Лебедев, – мне сегодня слова одной песенки подогнали. Вот послушайте.

Он уселся на пенек, стоявший у дверей, тронул гитарные струны. И запел прокуренным тенорком.

«Самой нежной любви наступает конец.

Бесконечной тоски обрывается пряжа».

– А у парня неплохо, получается, – подумал я. Но тут мама дернула меня за рукав.

– Не стой столбом, пошли домой. Еще наслушаешься этих песен. Лучше бы уроки учил, больше бы толку было.

Когда мы подошли к двери в квартиру, Валерка сменил пластинку.

– «Затихает музыка в саду и девчонка видно всем чужая.

Все подружки с парнями идут, только лишь её не провожают». – разносился его голос по окрестностям. А когда я выглянул из окна кухни, напротив Лебедева на скамейке уже пристроились две сестры, Машка и Ирка Феклистовы из первой квартиры. Их присутствие явно приободрило музыканта, и он продолжил свой концерт.

– Ну, что ты к окну прилип? – раздраженно заметила мама. – Переодевайся в домашнее, мой руки, и будем обедать. Я сегодня щи сварила на баранине. Повезло у цыган купить на рынке.

Оторвавшись от уличного представления, я прошел в свою комнату и сразу встретился с глазами брата, смотрев-

шего на меня с фотографии на комодe. Не знаю отчего, но я почувствовал себя неловко, как будто в чем-то виноват перед ним.

Вовка Гребнев был старше меня на четыре года и в отличие от младшего брата был весьма здоровым и крепким парнем, к тому же боксером. Поэтому меня, то есть Витьку в младших классах школы, несмотря на кличку Шибздик, трогать опасались. Все прекрасно знали, что расплата последует незамедлительно. И даже, когда после восьмого класса Вовка поступил в строительный техникум, мои одноклассники прекрасно понимали, что ему ничего не стоит ближе к концу уроков подойти к зданию школы встретиться с обидчиками своего брата и начистить им рожу.

Так, что Витьке в этом отношении явно повезло, никаких ссор в классе у него не имелось, тем более что он сам вел жизнь тихую и бесконфликтную.

Зато Вовка, попав в армию, примириться с тамошними порядками не смог. Поэтому всего через три месяца он погиб, как написал командир части при исполнении воинского долга. Так мы его и похоронили в закрытом гробу. Только через полгода, когда из армии пришел Димка Филатов, служивший в той же части, он рассказал, что Вовка был убит в драке со старослужащими. После чего старшина роты полгода отлежал в госпитале и был комиссован. Мама, услышав об этом жаловаться, никуда не стала. В принципе, она и так, зная характер старшего сына, подозревала по какой причине

он погиб. Ну, а Витька, трусоватый по натуре, не раз плакал, вспоминая брата, и со страхом ждал призыва на службу.

В отличие от Витьки, я службы не боялся, прекрасно зная все её «прелести». Как говорится, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. Через три года, не исключено, что и мне придется отправиться в стройные ряды Советской армии. Это произойдет, если я на комиссии не вспомню о тяжелой черепно-мозговой травме. История болезни запрятана в больничном архиве на двадцать пять лет, поэтому кроме выписного эпикриза, который нужно передать в поликлинику, врачи призывной комиссии ничего больше не увидят.

А выдрать из карточки единственную бумажку секундное дело, главное, чтобы она попала хотя бы на несколько минут в мои руки. Но это, если я решу отдать долг Родине еще раз. Один то раз я его уже отдал. Два года выброшенные кошке под хвост. И шесть с половиной тысяч километров, пройденных разводящим караула в любую погоду, под дождем, снегом, в холод и зной. Так, что выбор у меня имеется.

Нет, если и решу служить, то сделаю это совсем не так, как в первый раз. Но и повторять судьбу Вовки Гребнева не собираюсь. Отстаивать свои права, совсем не обязательно в драке с сослуживцами, для этого имеется много других путей. В следующем году призывной возраст снизят до восемнадцати лет. Правда и служить придется на год меньше. Смысл этого решения вполне понятен, командовать мальчишками гораздо легче, чем взрослыми мужчинами. Но я то взрослый че-

ловек и действовать собираюсь по взрослому.

В этот момент на фотографии брата, перевязанной черной лентой мелькнул солнечный блик, как будто Вовке пришлось по нраву мои мысли по поводу службы.

Порядок в комнате царил идеальный. Но Витькиной заслуги в этом не имелось ни капли. Уборкой занималась мама. Но и сын без дела не сидел. Колка и укладывание дров в сарай второй год оставались на нём. Так же, как и сбор грибов. За ягодами они ходили вдвоем с мамой.

Благодаря травме Витьке удалось избавиться в этом году от прополки и окучивания картошки. Зато её копкой придется заниматься уже мне.

На простом дощатом столе аккуратной стопкой лежали учебники и тетради.

Взяв в руки учебник Барсукова по алгебре, задумчиво перелистал потрепанные страницы. Как ни странно, рисунков на страницах не было. Видимо бывший хозяин моего тела, предпочитал рисовать в альбоме, а не в учебниках.

– Мда, хрен знает, как буду сдавать всю эту лабуду? – подумал я. – Не помню ведь ни хрена. Придется как-то договариваться, давить на жалость. Диктант то напишу, без проблем. Ладно, со школой как-нибудь разберусь, а что делать с техникумом, там ведь тоже придется сдавать экзамены.

Придется все проблемы решать по мере поступления.

В шкафу я сразу не разобрался с одеждой, но маму на помощь звать не стал. Точно ведь решит, что у сына с памятью

проблемы. И так периодически косится на меня с подозрением. Видимо, Витька говорил иначе. Но это ничего, все мои огрехи сейчас списываются на травму.

С этой мыслью я переоделся и направился кухню, откуда доносился соблазнительный запах щей из свежей капусты с бараниной.

После однообразного больничного питания щи пошли на ура. Я смолотил полную тарелку и потребовал добавки.

Но вместо неё мне была навалена полная тарелка картошки с говяжьей тушенкой. Завершил всю эту благодать стакан компота.

С трудом выбравшись из-за стола, я поблагодарил маму и в полусогнутом состоянии направился в свою комнату. Там с вздохом облегчения упал в кровать и расслабился.

Думал, что засну, но сна не получилось. Сначала обдумывал свое поведение за столом. Похоже, когда я себя полностью не контролирую, в теле начинает преобладать поведение Вити Гребнева. С одной стороны это и неплохо, по крайней мере, маму ничем удивить не удалось. С другой стороны, хотелось бы своим нынешним телом распорядиться более самостоятельно.

Валера Лебедев, который на некоторое время замолкал, неожиданно снова начал орать очередную песню.

– «Как посадишь рассаду, так и вянет она.

Так и годы уходят в туман. И любви мое сердце не знает, сколько пролито слез океан».

Я выглянул в окно и сразу понял причину его энтузиазма. Вместо малолеток Феклистовых, напротив Лебедя сидели мои одноклассницы Нинка Карамышева и Светка Птичкина. Нинка Карамышева стройная черноволосая девица с немалой грудью больше походила на выпускницу, чем на начинающую девятиклассницу. Зато невысокая, коренастая шатенка Светка достойно оттеняла её красоту. В общем, это была классическая женская дружба. Нинка на фоне Светки чувствовала себя королевой, ну а Светке достаточно было того, что она получает частицу внимания благодаря подруге.

Видимо, Витька был равнодушен к Нине, потому, что мне срочно захотелось выйти на улицу.

Противиться этому желанию я не стал. Тем более что мне хотелось посетить уютное заведение, расположенное за домом. Увы, наш двухэтажный, восьми квартирный дом туалетов в квартирах не имел.

Зато впечатлений от уличного туалета хватало. В Витькиных воспоминаниях раннего детства я видел, как радостно кричал он вместе с другими детьми.

– Ура, говночисты приехали!

И вот во двор заезжала машина, имеющая специфический запах, из нее появлялись неряшливо одетые люди и, сняв из креплений на баке черпаки с длинными ручками, начинали методично черпать содержимое выгребной ямы. А куча детей возрастом от пяти до десяти лет с восторгом глядели на это представление.

Но сейчас в 1966 году, все происходило гораздо цивилизней, скучнее, чем в пятидесятых годах. И говночисты исчезли, как класс.

– Куда собрался, – спросила мама, увидев мои сборы.

– В туалет сбегаю, – сообщил я.

– Вон ведро помойное в углу. Туда посикай, – посоветовала мама, ей, видимо, совсем не хотелось отпускать меня на улицу.

– После такого обеда ведром не обойдешься, – сообщил я, надевая кеды.

Выйдя из двери подъезда, застал паузу в пении Лебедева. Тот, отложив гитару, что-то усиленно втирал Нинке, слушавшей его с царственной небрежностью местной королевы.

– Эх, мне бы в тюрьгу попасть, я бы там еще кучу песен выучил, – воскликнул Валерка и вновь взял в руки гитару. Но, увидев меня, вновь её отложил. Сунув руку во внутренний карман куртки, вытащил оттуда плоский флакон «Старки».

– Шибза, будешь? – спросил он, протягивая мне бутылку. Я глазами показал ему на окно, из которого за нами внимательно наблюдала Валентина Викторовна.

Валера в диспозиции разобрался мгновенно.

– Ну, я выпью, – заявил он, понятиливо кивнув. Отхлебнув приличный глоток, он убрал плоский бутылёк обратно в карман, взял гитару и, глядя на Нину, громко запел.

– «В Московском городском суде, своими видел я глаза-

ми.

Судили девушку одну, она дитё была годами».

Воспользовавшись этим моментом, я незаметно покинул кампанию. Когда вернулся к подъезду, Лебедев уже спокойно спал на травке, гитара лежала рядом с ним, а несколько комаров беспрепятственно сидели у него на лбу.

Нина со Светкой стоя неподалеку что-то оживленно обсуждали. Увидев меня, Карамышева приветливо улыбнулась.

– Витя, здравствуй, ты так быстро куда-то убежал, мы даже расспросить тебя не успели. – немного манерно сказала она.

– Привет, девчонки, извините, что так получилось, в туалет торопился, – сообщил я. – Зато теперь в полном вашем распоряжении, спрашивайте, чего хотели.

Одноклассницы недоуменно переглянулись, и затем засмеялись.

Наверно ожидали другого ответа. Обычно младший Гребнев, что в классе, что на улице красноречием не блистал, большей частью отмалчивался. Так, что мои слова оказались для них неожиданными.

Мы втроем уселись на скамейку и под мерное похрапывание гитариста, девушки начали просвещать меня, обо всем, что происходило в школе за время моего вынужденного отсутствия.

И хотя все, что они говорили, не особо меня интересова-

ло, беседу заканчивать не хотелось.

– Вы в девятый класс собираетесь, или будете куда-нибудь поступать? – спросил я, когда мне удалось вставить несколько слов в поток информации поставляемый собеседницами.

– Я лично продолжу учиться в девятом классе, не то, что некоторые, – сообщила Нина и неодобрительно покосилась на подругу.

– Я хочу поступить в медицинское училище, – виновато пискнула Света. – Буду учиться на медсестру.

– Нет, Витя! Ты слышал? Я ей сто раз говорила, не надо бросать школу. После десятого класса можно будет поступить на медицинский факультет университета и выучиться на врача, – воскликнула Нина. – Разве я не права?

Такое обращение к моему мнению меня изрядно озадачило. Из Витькиных воспоминаний я знал, что подобных бесед раньше никогда не было. Никого не интересовало мнение школьного задрота. Что же случилось сейчас?

– Наверно, они только сегодня поняли, что со мной можно нормально поговорить? – подумал я. – Кстати, вариант с медучилищем неплохой. Может, попробовать туда податься. Помнится, в прошлой жизни я не раз думал, чтобы было, если бы пошел учиться на зубного врача, или просто техника, стала бы моя жизнь от этого лучше, или нет. Сейчас самое время кардинально решить этот вопрос.

– Света, ты наверняка знаешь, большой ли конкурс в группе зубных техников? – спросил я.

Девочка зарделась от моего вопроса, настолько она привыкла, что собеседники обращаются в основном к подруге, игнорируя её присутствие.

– В этом году набора в зубные техники не будет, – обломала мои мечты Птичкина. – Витька, ты хотел, что ли учиться именно на техника? – удивилась она.

– Ну, не так, чтобы совсем определенно, но мысли были, – подтвердил я.

– Послушай, Гребнев, я тебя не узнаю, – вдруг призналась Карамышева. – оказывается с тобой вполне можно поговорить. Ты раньше притворялся что ли, специально дурака из себя строил?

Светка укоризненно глянула на подругу.

– Витя, не слушай, у Нины есть такая манера обижать людей в разговоре. Но я с этим борюсь.

Однако! Сегодня прямо день открытий. Я думал, что Птичкина полностью под каблуком у Карамышевой, а она, оказывается, еще и воспитывает свою горделивую подругу. Ну, что же флаг ей в руки и барабан на шею.

Нашу беседу прервало появление матери Валерки Лебедева. Худенькая невысокая женщина с полной авоськой продуктов подошла к нам, держа за руку шестилетнюю дочку Галину.

– Мама, смотри, Валерка на траве спит, – звонко крикнула та. Мать, глянув на своего сына, спящего на газоне, вздохнула, и на её глазах появились слезы.

Присев рядом она принялась его тормошить, периодически хлюпая носом.

– Валера, проснись, пойдем домой.

Однако тот что-то нечленораздельно бубнил и продолжал спать.

– Тамара Михайловна, давайте я помогу довести Валеру домой, – предложил я.

– Ой, что ты, Витя, не надо. Ты же сегодня только из больницы выписался. Тебе, наверно, нельзя тяжести поднимать?

Мысленно я усмехнулся. Сегодня ночью помогал медсестре выносить умершего больного в морг. И весил тот раза в два больше чем тощий Валерка. Хорошо, что в ночь дежурила Вера Николаевна, та наверно перегрузила бы труп с кровати на каталку и без моей помощи, но все же от неё не отказалась.

– Можно, тетя Тамара, – сообщил я и вместе с ней начал поднимать юного алкаша, чтобы дотащить его до дома.

– Молодец, что помог, – похвалила мама, когда я зашел домой, и взъерошила короткий ёжик волос на моей голове. После операции прошло почти два месяца, так, что волосы отросли достаточно, чтобы скрыть зарубцевавшиеся швы.

Но под пальцами они все равно хорошо прощупывались.

Улыбка на мамином лице пропала, она крепко прижала меня к себе и сквозь слезы начала говорить:

– Витенька, хороший мой, как же ты меня тогда напугал! Я ночи не спала, все думала, за что бог нас наказывает. Снача-

ла Володю прибрал, затем с тобой несчастье приключилось. В церковь несколько раз ходила. Молилась, свечки ставила. Врачи пугали, говорили ты, скорее всего инвалидом останешься. Но отвел Господь беду, ты выздоровел. Лев Абрамович, заведующий отделением, сказал, что у тебя один шанс на тысячу был. Все переживал, что у тебя падучая начнется.

Давай завтра со мной сходим в церковь, помолимся вместе с тобой, заодно за Вову свечку поставишь.

Я осторожно высвободился из маминых объятий.

– Мам, я, конечно, схожу, мне нетрудно, только поедем в церковь на Неглинском кладбище. Там с нашего района никого не бывает, я все-таки комсомолец, не хочется получить себе лишних проблем на голову.

Мама внимательно посмотрела на меня.

– Витька, признавайся, когда ты успел там побывать? Это же на другом конце города.

– Да, не был я там никогда, ребята рассказывали, – обиженно ответил я.

– Как-то ты после больницы изменился, – задумчиво сообщила мама. – Вроде бы времени прошло всего ничего, а ты здорово повзрослел.

Кстати, нам в четверг надо будет подойти в школу. Я разговаривала с директором и вашей классной руководительницей. Они намекнули, что, учитывая ситуацию, для сдачи экзаменов достаточно будет собеседования. Но это если ты не будешь оканчивать десятилетку. Если же пойдешь в девятый

класс, то экзамены можно отложить на осень.

Ты то, что решил? Все молчком, молчком, не рассказываешь ничего.

Я улыбнулся.

– Мама, так ты меня до сих пор не спрашивала. Все больше интересовалась, как я себя чувствую и не голодаю ли в больнице. Об учебе, пожалуй, только сейчас речь зашла.

Так, что могу признаться, пока в больнице лежал, решил, что в девятый класс не пойду, а буду поступать в медицинское училище.

Не сказал бы, что Валентина Викторовна была в восторге от моего решения.

– Витя, ты серьезно подумал? Для девочек это неплохой вариант, а мужчина должен деньги зарабатывать, а в медицине какие деньги? Нищета одна, – сказала она в ответ на моё признание. – Смотри, я работаю уборщицей в двух учреждениях, за вечер до одиннадцати часов справляюсь со своей работой. Остальное время домашними делами могу заниматься. А получаю зарплату больше чем тетя Маша, работающая в хирургии постовой сестрой. Она с работы вообще никакая приходит. После ночной смены спит до вечера. Тебе такая жизнь нужна?

В ответ на мамины слова, я только хмыкнул. Если бы она знала, кому рассказывает о тяжелой жизни медработников.

Я то испытал все, что она рассказывает на себе. Очень ин-

тересно было разговаривать с медсестрами, или врачами, нашедшими в себе силы сменить профессию. Конечно, были среди них и те, кто не смог найти себя в новой ипостаси и вернулись обратно. Но большинство не жалело слов, рассказывая, что даже не подозревали, что можно жить совсем по-другому, не думая о тяжелых пациентах, жалобах, и прочих неприятностях больничной жизни. И что сейчас им хочется просто радоваться новой жизни. Единственно за что они себя ругали, за то, что многие годы занимались не своим делом.

И тут же поймал себя на том, что и сам пытаюсь, в какой-то мере пойти по прежнему пути. Ну, работал я психиатром, стану зубным врачом, все равно ведь останусь в медицине.

– Может, действительно, кинуть все и заняться чем-то другим? – подумал я, пока мама вопросительно разглядывала мою задумчивую физиономию.

– Мама, насколько я слышал, в этом году будет набираться еще группа фармацевтов, – осторожно я начал разговор. – Если я поступлю на этот курс, то буду работать провизором в аптеке. Работа спокойная, как раз для меня.

На зубного врача ещё можно пойти учиться.

– О, вот это уже лучше! – оживилась мама. – Зубные врачи неплохо живут, конечно, зарплаты у них тоже небольшие, зато уважение! Родню будешь по благу лечить.

В четверг, вдвоём мы отправились в школу. Попытка

оставить маму дома не удалась.

– Даже не думай, куда ты без меня. Тебя вон ветром качает. Одни кожа да кости остались. И вообще, ты после болезни странный какой-то. Я тебя временами не узнаю, как будто ты вовсе не мой сын. Потом посмотрю, да, нет, вроде бы мой Витька.

Мне Лев Абрамович говорил, что такое обычно бывает перед приступом падучей, и даже рассказал чего не надо делать.

– И чего не надо делать? – улыбаясь, спросил я.

– Не смейся, о серьезных вещах говорим, – рассердилась мама. – Предупредил, чтобы ни в коем случае ложку в рот не совала и соседям не давала.

– Понятно, – ответил я и снова ушел в свои мысли.

Все правильно, после таких травм заработать эпилепсию, делать нечего. Хотя на ЭЭГ очага судорожной активности в мозгу при выписке не обнаружили, это ничего не значит, он может появиться в любое время.

Но пока ничего подобного не происходит и это хорошо.

Итак, после недолгих пререканий мы вышли из дома. Мда, Витя, действительно, был невысокого роста. В свои пятнадцать лет он был ниже своей мамы, тоже не отличающейся размерами. И сейчас, когда она взяла меня под руку, я чувствовал себя непривычно, потому, как был ниже её почти на полголовы. В прошлой жизни подобного не испытывал, тем более знакомых баскетболисток у меня не имелось.

Несколько минут мы шли по тротуару мимо больницы, из которой только позавчера выписался, затем её корпуса сменялись частными домиками, а затем впереди показалось высокое школьное здание. На школьную территорию мы прошли через огромную дыру в заборе. Подобные дыры в нем имелись через каждые двадцать-тридцать метров. Видимо, денег на ремонт забора школьный бюджет не предусматривал.

На вытоптанном футбольном поле носились с десятков мальчишек, увлеченные игрой, на нас они даже не смотрели.

Проходя мимо, невольно отметил, что ни одного взрослого рядом не было.

В том будущем, из которого я сюда попал, ближайшая школа располагалась напротив моего дома, и из окна было видно, как к школьному двору подкатывают крутые и не очень тачки и родители провожают детей в школу или на тренировку. И пока продолжается тренировка несчастный папаша, или мамаша, сидит на скамеечке в ожидании своего отпрыска, чтобы отвезти его домой.

Здесь же куча малышни от семи лет и старше свободно бегала по школьному двору, и никому до них не было дела. Еще несколько мальчишек и девчонок усердно поливали посадки, вот там за ними следила пожилая учительница, в её задачу, как я понял, входила обязанность проследить, как дети выполняют отработки на пришкольном участке.

– Витя, не отвлекайся, – напомнила мне мама, когда я за-

медлил шаг, чтобы убедиться, что на участке действительно растет кукуруза, хилые побеги сантиметров пятнадцать в высоту.

– Надо же! – мысленно удивился я. – Какая в регионах инерция мышления! Главного кукурузника уже два года, как пнули со всех постов, а кукурузу до сих пор почти у Полярного круга пытаются выращивать.

Школьное здание без детей оставляло странное ощущение. Наши шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Хорошо, что ремонтом здесь еще не занимались. Поэтому настроение у меня не испортилось, как обычно бывало в первые дни учебы.

В свое время запах краски и первое сентября для меня стали неотделимы друг от друга, а в школу идти жутко не хотелось, поэтому сейчас в отсутствии привычного амбрэ масляной краски и олифы, отрицательных эмоций не возникало.

Поднявшись на второй этаж, мы направились в учительскую. Мама в школе ориентировалась неплохо, видимо, бывала здесь частой гостьей, хотя я в Витькиных воспоминаниях не был особо шустрым парнем, влипающим во все неприятности. Но потом вспомнил, что старший брат тоже учился в этой школе, и был известным хулиганом в плане нарушения дисциплины. Насчет драк у него было табу, поставленное тренером. Так, что нарушал он этот тренерский запрет нечасто, только когда надо было поставить на место моих одноклассников, или других, залетных фраеров, по глупости

приставших к мелкому пацанчику.

В учительской нас ждали.

Галина Петровна, наша классная руководительница, удивленно взглянув на меня, поздоровалась в ответ на наше приветствие и сразу перешла к делу:

– Витя, ты, конечно, неплохо выглядишь, это радует! Но признайся честно, сможешь ли выдержать экзамены?

Я улыбнулся.

– Ну, если вы не будете меня сильно пытаться, то выдержу.

– Понятно, – вздохнула Галина Петровна и добавила:

– Побудь немного в коридоре, я с твоей мамой переговорю.

Я вышел в коридор, здесь после светлого кабинета показалось совсем темно. Я походил туда сюда, вышел на лестничную площадку и глянул вниз, как раз туда, куда приземлился пару месяцев назад. При этом воспоминании по спине пробежали мурашки.

– Витя, здравствуй, – прозвучал сзади знакомый голос учительницы русского языка и литературы.

– Добрый день, Елена Николаевна, – ответил я. – Хорошо выглядите. Это платье вам идет.

Елена Николаевна от удивления потеряла дар речи.

– Однако! Виктор, я смотрю, ты резко повзрослел, – сказала стройная тридцатилетняя женщина после небольшой паузы. – И даже немного подрос, волосы виться начали.

Она подошла почти вплотную и взъерошила начинающую

отрастать шевелюру.

И как позавчера мама, сразу перестала улыбаться, пройдя кончиками пальцев по бугристым шрамам.

После чего озабоченно спросила:

– Ты как себя чувствуешь, может, не стоит сегодня диктант писать?

– Очень даже стоит, раньше сяду, раньше выйду, – сообщил я.

– Не смешно, – сообщила учительница и направилась в кабинет, где секретничали мама с Галиной Петровной.

Меня пригласили зайти минут через пятнадцать, когда подошла завуч Нина Николаевна.

Через час мы с мамой распрощались с преподавателями.

Как я понял, весь сыр-бор заключался в том, чтобы в школе для доказательства сданных экзаменов имелся написанный мной диктант и письменная работа по алгебре. Вопросы по геометрии мне не задавались вообще, устный экзамен, он и есть устный. После того, как завуч и классная проверили решение задач по алгебре, на геометрию они махнули рукой.

Похвалив меня за прилежание и за неожиданную грамотность, пообещали через два дня сделать аттестат.

А Елена Николаевна удивленно сообщила:

– Гребнев, никогда бы не подумала, что травма головы может так влиять на знание русского языка. Ты ведь раньше мог в слове из шести букв сделать семь ошибок, а сейчас в диктанте не допустил ни одной. Если бы не видела, как ты

его пишешь под мою диктовку, могла бы подумать, что, где-то ухитрился списать.

– Вить, может, пойдешь в девятый класс, – спросила мама, когда мы вышли на улицу. – Вон, как тебя Галина Петровна хвалила.

Я хмыкнул.

– Хвалила на всякий случай, боялась, что мне плохо станет, – сообщил я в ответ. – А в девятый класс не пойду, не уговаривай. Сама жаловалась, что на двух работах работаешь, так, что мне нужно быстрее с учебой заканчивать и начинать зарабатывать деньги.

– Витька! Господь с тобой! Когда это я тебе жаловалась? – ахнула мама. – Не было такого!

– Было, – отрезал я. – Буквально два дня назад и жаловалась.

Прошло два дня, я уже без мамы, самостоятельно сходил в школу, получил свидетельство за восьмой класс, вкладыш с кучей троек и неожиданной пятеркой по алгебре. Кроме свидетельства попросил характеристику для поступления в медучилище и после этого распрощался со школой навсегда. Особых переживаний по этому поводу не испытывал. Ну, не моя это был школа! Вертелась мысль как-нибудь зайти в школу, в которой я учился в прошлой жизни, но пока мне было не этого. Но поглядеть на самого себя, я все-таки соберусь в ближайшее время.

Но сейчас нужно ехать в детскую поликлинику, чтобы получить медицинскую справку для поступления.

Выписка из истории болезни лежала на моем столе, ожидая, что я её заберу с собой. Но у меня по этому поводу имелись большие сомнения. Хотя выписка была написана лечащим врачом от руки, а не напечатана, основной диагноз и сопутствующие заболевания были вполне читабельны.

Так, что педиатру в поликлинике не стоило её показывать.

Поэтому когда мама перед моим уходом напомнила, чтобы я забрал выписку с собой и обязательно отдал доктору, я согласно кивнул и, аккуратно сложив листок бумаги вчетверо, запрятал его во внутренний карман пиджака.

В детской поликлинике меня ждал облом, в регистратуре сообщили, что раз мне исполнилось пятнадцать лет, то мой путь лежит в подростковый кабинет взрослой поликлиники, куда передана моя амбулаторная карта.

Пришлось снова идти на автобусную остановку и ехать через половину города.

Во взрослой поликлинике особой очереди в регистратуре к врачу не было, получив номерок, я поднялся на третий этаж, радуясь, что быстро разберусь с этим делом. И с удивлением обнаружил, что почти все пространство рекреации третьего этажа занято моими сверстниками.

– Кто последний в 303 кабинет? – громко спросил я.

– Я, – ответил парень, сидевший на перилах и энергично на них раскачивающийся.

У меня от этого мероприятия похолодело в животе, так живо я представил картину падения мальчишки на пол первого этажа, видневшийся между пролетов лестницы.

– Это что, все к подростковому врачу? – спросил я.

– Угадал, – слышались веселые возгласы со всех сторон.

На перила садиться не стал, прислонился к стенке в свободном уголке, стулья всё равно все были заняты. После чего принялся наблюдать за дверями в 303 кабинет.

Надо сказать, работала врач по-стахановски. Дверь то дело открывалась и закрывалась.

От этого зрелища моё упавшее настроение начало понемногу подниматься. Подсчитав присутствующих, понял, что попаду вовнутрь через полтора часа.

И действительно не прошло и двух часов, как я зашел в кабинет.

– Фамилия! – рявкнула молоденькая медсестра при моём появлении.

– Гребнев, – сразу доложил я.

– Гребнев, Гребнев, – забубнила девушка, роясь в стопках карточек, – Ага, вот она.

Я тем временем уселся к врачу. Располневшая женщина лет шестидесяти, с намечающимися черными усиками устало глянула на меня.

– За справкой?

– Ага, за ней, – лаконично ответил я.

Врачиха взяла карточку мельком её просмотрела и пред-

ложила раздеться.

Небрежно прослушивая легкие, она спросила:

– Что ты тощий такой, мало кушаешь?

– Много бегаю, – ответил я.

– Одевайся, шутник, куда поступаешь? – снова спросила женщина.

– В медучилище, – сообщил я.

Реакция последовала незамедлительно. И врач, и медсестра подняли головы и с новым интересом уставились на меня.

– Наверно, на фельдшера будешь учиться? – спросила врач.

– Пока не знаю, возможно, и на фельдшера, – туманно ответил я.

– Ну-ну, – без особого энтузиазма кивнула доктор. – Дерзай, если поступишь, будешь три года в малиннике находиться.

– Не понял? – я удивленно поднял брови, решив сыграть под недалекого парнишку.

Женщины рассмеялись.

– Не притворяйся, все ты понял, парней в медучилище по пальцам можно пересчитать, – хором заявили они.

Улыбнувшись, я признался, что пока об этом не задумывался.

– Ладно, бери свою справку и шагай, за дверями таких, как ты еще не один десяток, – вздохнула врач, быстро подписала, заполненную медсестрой, бумагу и отдала мне.

– Интересно, написала бы ты, подруга, мне справку 086у, если бы ознакомилась с эпикризом, лежащим у меня в кармане? – подумал я, пряча справку в этот же карман.

Выйдя из кабинета, я глянул на часы, висевшие на стене. Стрелки уже подходили к двум часам дня. То-то мне так хотелось поесть. На минуту я задумался. Документы у меня все с собой, так, что можно успеть отвезти их в медучилище. Но для начала надо подкрепиться. В кармане у меня пятьдесят копеек, на сорок из них можно вполне прилично пообедать в рабочей столовой, потому, как домой возвращаться слишком долго.

Ближайшая столовая располагалась неподалеку, когда я туда зашел основной поток посетителей уже рассосался. Почти все столы в зале были пусты, две кухонные работницы убирали с них посуду и стряхивали в ведра крошки со скалтертей. Еще одна женщина ходила с подносом, нарезанного черного хлеба и накладывала их в опустевшие хлебницы на столах.

– Надо же! Я и забыл, что когда-то такое имело место. Но по моим воспоминаниям такая лафа должна скоро закончиться.

Взяв поднос, я встал в небольшую очередь из трех человек. Полпорции щей, картофельное пюре с хеком и стакан компота обошлись мне в сорок три копейки.

Гуляш я брать не стал, хотя пятьдесят копеек мне бы все равно хватило, но домой тогда пришлось бы идти пешком,

или ехать зайцем на автобусе.

Если бы сразу после больницы поел бы в этой столовой, то наверняка счел бы все блюда сносными. Но после маминой готовки еда показалась отвратной. Щи мясом даже не пахли, несколько кусочков картошки и капусты грустно плавали якобы в бульоне. Пюре с кусочками не проваренной картошки было сделано на воде. Хек на вкус оказался довольно неплохим, поэтому, хорошенько посолив и поперчив всю еду, я намазал горчицей кусок бесплатного хлеба и приступил к трапезе. И только компот оправдал мои ожидания, я даже выбрал из стакана все изюминки и урюк.

Закончив с обедом, пришел к выводу, что, кто бы, что не говорил, но еда в обычной столовой Советского Союза значительно уступает еде в столовых Российской Федерации будущего.

Выйдя из столовой, решительным шагом направился в медицинское училище сдавать свои документы. Если бы я был девушкой, то реально задумался, стоит ли мне туда идти с такими оценками. Но, будучи парнем, не сомневался, что меня и с тройками возьмут на ура.

Знакомое по прошлой жизни деревянное здание, построенное перед войной, еще стояло на своем месте. В молодости я в нём бывал несколько раз на вечерах, на которые меня приглашали знакомые девушки.

Через четыре года будет построено новое здание училища, а это снесут через несколько лет, чтобы установить оче-

редной фонтан. Да, да, именно фонтан. Появился, понимаешь, на гребне перестроечной волны у нас новый мэр и принялся за строительство фонтанов, хобби у него такое имелося.

В парадные двери то и дело входили, или выходили стайки девушек, парней пока не наблюдалось.

Когда я поднялся по ступеням, на меня устремились десятки любопыствующих взглядов. Мне стало немного не по себе, несмотря на свое взрослое сознание. Я понимал, как низко котируюсь сейчас в глазах этих пятнадцатилетних девчонок. Невысокий, худенький мальчишка, с короткими слегка кудрявыми волосами в заношенном старом костюме с заплатками на локтях, вряд ли привлек бы их внимание, если бы не зашел в двери училища.

Наверно, это неприятное чувство пришло от моей юной половины сознания.

Выбросив его из головы, я перестал сутулиться и гордо двинулся по коридору туда, куда указывала надпись «прием документов».

К счастью, столько народа, как в поликлинике тут не имелося. Но все же пришлось встать в небольшую очередь.

Девчонки оставались девчонками, они оживленно болтали, хихикали, обсуждали парней и преподавателей училища, которых откуда-то уже знали, ну и, конечно, украдкой, а некоторые откровенно, разглядывали меня – одинокого парня в этом женском царстве.

Не сказал бы, что лицо дамы, принимающей документы, осветилось радостью при моем появлении.

– Мальчик, ты зачем пришел? – спросила она недовольным голосом.

– Документы сдать для поступления – спокойно ответил я.

Дама вздохнула.

– Тебе хоть, сколько лет исполнилось?

– С какой целью интересуетесь? – все также спокойно спросил я в ответ.

Девица, сидевшая за соседним столом тихо засмеялась, а дама начала наливать краской.

– Ты, что себе позволяешь, мальчишка!?

– Странная вещь, – произнес я, обращаясь ко всем немногим присутствующим в кабинете. – Абитуриент после окончания восьмого класса явился, чтобы сдать документы для поступления, а сотрудница, которой доверено такое ответственное дело, вместо того, чтобы им и заниматься, то есть, проверить и принять эти документы, задает ненужные вопросы, а когда ей на это указывают, начинает аффектировать и оскорблять.

В кабинете наступила тишина. А лицо дамы приняло багрово-красный оттенок.

В это время в кабинет открылась внутренняя дверь, и оттуда появился директор училища Дмитрий Игнатьевич Москальченко.

В прошлой жизни мне довелось несколько встречаться с

ним в кампании, когда он уже был пенсионером, поэтому я его сразу узнал.

– Инга Николаевна, что у вас произошло. Вы так кричали, я даже через дверь услышал ваш голос. Молодой человек плохо себя ведет?

– Ужасно! Дмитрий Игнатьевич, ужасно, грубит бесспорно, такие студенты нам не нужны.

– Дмитрий Игнатьевич, – обратился я к директору. – С моей стороны не прозвучало ни одного грубого слова. Присутствующие женщины могут это подтвердить. Просто Инга Николаевна, вместо того, чтобы принять у меня документы, начала выяснять, зачем я сюда явился и сколько мне лет. Вот я в свою очередь поинтересовался, зачем ей это нужно. Ведь любому здравомыслящему человеку понятно, если абитуриент пришел подавать документы, значит, они у него имеются и с возрастом все в порядке.

Лицо дамы снова налилось краснотой. Она хотела что-то сказать, но, увидев усмешку руководителя, промолчала.

Директор за годы работы приобрел достаточный опыт, чтобы определить будет ли толк из будущего студента. Но сейчас он был в затруднении.

Мальчишке на вид было не больше тринадцати-четырнадцати лет, поэтому сотрудница канцелярии и поинтересовалась возрастом. А парнишка оказался самолюбивый, видимо не раз попадал в историю из-за того, что выглядит моложе, вот и закусил удила.

Но дело было в другом, парень всего несколькими словами указал сотруднице на её место, и сделал это, не хуже его самого. Притом стоял сейчас спокойный, как мамонт, как будто не довел до белого каления Ингу Николаевну. Где в пятнадцать лет можно получить такой опыт?

Нет, определенно, ему необходимо понаблюдать за таким индивидуумом во время учебы.

Минуту подумав, он обратился к своей сотруднице.

– Инга Николаевна, мне бы хотелось видеть этого молодого человека среди учащихся нашего училища. Вам все понятно?

Мысль, потребовать, чтобы парень извинился перед Ингой, он отбросил. Мало ли шкет пойдет в отказ и все только осложнится.

Когда директор скрылся за дверью своего кабинета, Инга Николаевна тяжело вздохнула, показывая окружающим, как её тяготит его поручение.

– Выкладывай свои бумажки, – сообщила она мне и первым взяла в руки вкладыш с оценками.

– Итак, товарищи, – громко констатировала она, прочитав его содержимое. – К нам явился очередной троечник.

Однако две девушки, работающие в этом кабинете, на слова Инги Николаевны внимания уже не обращали. Интрига была окончена, её заключительным финалом оказались слова директора... Видимо, почувствовал это, собеседница

молча приступила к изучению моих бумажек. Хотя изучать там было нечего.

Выйдя на улицу после оформления документов и устного напоминания о том, что третьего сентября в двенадцать часов пройдет общее собрание первого курса, а четвертого сентября мы едем в совхоз копать картошку, я уселся на скамейке в скверике у входа в училище и задумался.

Сейчас мне нужно было понять с чего бы это я, спокойный и не особо конфликтный человек в обеих ипостасях, сам поднял градус противостояния там, где причина не стоила выеденного яйца.

И вроде бы додумался до того, что возмущались, на этот, раз остатки личности Гребнева, причем для этого ловко воспользовались интеллектуальным багажом семидесяти пятилетнего врача психиатра Александра Ефимова, съевшего собаку в таких баталиях в родном коллективе психиатрической больницы.

С этой мысли я плавно съехал на свою прежнюю личность, ей ведь тоже сейчас исполнялось пятнадцать лет. Вот только мыслей бросить учебу после восьмого класса у неё отродясь не было.

Не знаю почему, но до этого момента я не вспоминал о наличии в этом мире моей первозданной личности, как будто на моей памяти стоял какой-то блок.

Но сейчас блок исчез, и мне все больше хотелось поглядеть на свое настоящее тело и убедиться, что с ним все в по-

рядке.

Когда выходил из училища на часах, висевших над дверями, стрелки показывали ближе к четырем пополудни.

– Пойду, посмотрю хоть издалека на свой дом, на самого себя и родителей, – если получится, конечно, – решил я и поднялся со скамейки.

Через полчаса уже подходил к своему бывшему дому, где с детства прожил много лет, пока в девяностых годах не построил кооперативную квартиру.

Волновался здорово, намного больше, чем когда зашел со своей второй мамой в деревяшку на улице Пирогова. Все-таки с этим домом было связано множество воспоминаний.

На скамейке у дверей сидели хорошо знакомые мне с детства бабки и вели свои обычные беседы. Когда уселся рядом с ними, они окинули меня подозрительными взглядами, а особо въедливые поинтересовались, что я тут забыл. После того, как пояснил, что просто присел отдохнуть, они потеряли ко мне интерес.

Часов, чтобы засесть время ожидания встречи с родными у меня не имелось и вряд ли мы с мамой сможем их купить в ближайшее время за полным отсутствием финансов.

Время шло, старухи поглядывали все подозрительней, и тут из-за угла дома появилась моя мама.

Я трудом удержался, чтобы не вскочить и не ринуться к ней навстречу.

Рядом с мамой шла симпатичная высокая девушка моих

лет.

Соседка по скамейке заметила моё движение и сразу заинтересовалась:

– Ты не их случайно дожидаясь?

– Да, нет же, я говорил, что просто решил немного отдохнуть в тенечке, жарко сегодня. А кто это такие? Девочка очень симпатичная!

Бабка окинула меня пренебрежительным взглядом.

– Мал ты еще, на девок засматриваться.

В это время девочка обратилась к маме.

– Мама, я сбегаяю к Ленке минут на десять, хорошо?

Та в ответ кивнула.

– Сходи Шурочка, только не задерживайся, нам еще ужин надо приготовить.

Девушка быстрым шагом ушла в соседний подъезд, а мама зашла в наш.

Я же встал в полном обалдении и направился к ближайшей остановке автобуса, размышляя, куда же я все-таки попал. Ведь никакой сестры у меня в той жизни не имелось.

– Так, ты уже документы сдал в училище? – удивилась мама, когда я, наконец, добрался до дома. Ноги, отвыкшие за два месяца от таких физических нагрузок, ныли беспощадно.

С вздохом облегчения я рухнул на протертую от старости оттоманку. Её пружины послушно заскрипели под моим худосочным телом.

– Витька! Сколько раз я тебе говорила, не падай так на диван, у него ножки скоро отвалятся, – привычно воскликнула родительница.

– Пока, что они у меня отваливаются, – пробурчал я, – Устал, как собака по городу шататься.

– Ой, да, голодный, наверно, садись, я тебе рассольника налью, – сразу засуетилась мама. – А на второе пшенная каша со шкварками.

Шкварки – это вещь, я предвкушающе потер руки и направился к умывальнику, а потом к столу.

Пока уничтожал первое блюдо, а затем второе, мама, усевшись напротив, смотрела, как я ем.

Налив мне кружку чая, и придвинув ближе тарелку с булкой и масленку, она с вздохом сказала:

– Утром ушел тихой сапой, опять заплатанный пиджак одел. Не стыдно было в больнице и училище в таком виде ходить.

– А что такого? – удивился я. – Не драный ведь ходил.

Да не в этом дело, – мама наморщила лоб. – Ты как-то, буквально за несколько дней вырос из него. Неужели сам не замечаешь? Брюки коротки, рукава коротки. Давай примерим тебе Вовин костюм, в котором он в техникуме учился.

Допив чай, и доев второй ломоть булки с маслом, я поднялся из-за стола и первым делом подошел к дверному косяку, на котором двенадцатого апреля в день рождения последний раз отмечал рост. Тогда мы намерили ровно 155 санти-

метров.

Мама, сразу поняв мои мысли, поспешила сделать нужную отметку кухонным ножом на косяке, подобных отметок на несчастном косяке имелся не один десяток.

После этого мы молча посмотрели друг на друга. Без линейки было понятно, что я за это время подрос сантиметров на десять.

– А я то думаю, чего ты такой тощий! – воскликнула мама. – У тебя оказывается вся еда в рост уходит.

– Мда, 165 сантиметров тоже не фонтан, – скептически подумал я. – В прошлой жизни в это время был выше на полголовы.

Пока предавался воспоминаниям о своем росте, мама достала из шифоньера Вовкин костюм. В комнате сразу завоняло нафталином, а из шкафа вылетело несколько молей, которым нафталин был глубоко пофиг.

Увы, костюм был мне велик, притом очень велик. Поэтому пришлось его снова повесить в шкаф, но перед этим устроить облаву на молей, вытащив пакет с шерстяными носками, съеденными почти в труху.

Мама, огорченная потерями до глубины души, начала собираться на работу.

– Давай я с тобой пойду, помогу с мытьём, – неожиданно для самого себя предложил я.

– Сиди на жопе, – ласково сообщила мама. – На фиг мне такой помощник сдался. Как ты грязь размазываешь, лучше

полы вообще не мыть.

– Короче, так, – решительным голосом сообщил я. – До учебы еще месяц, так, что раз ты моей помощи не хочешь, я найду себе работу. Понятно?

– Ладно-ладно, – отозвалась мама, стоя уже в дверном проеме. – Завтра с утра с тобой поговорим, на свежую голову.

– Иди-иди, – насмешливо подумал я. – Никак не можешь понять, что сын становится самостоятельным и разрешения на работу у тебя брать он не собирается.

Моя посуда в тазике, я с тоской вспоминал горячую воду, обильно текущую из крана, но ничего не поделаешь, приходилось обходиться тем, что есть в наличии. После того, как расставил тарелки, и кастрюли по местам пришлось выйти на улицу, чтобы вылить в помойку грязную воду.

Делал это на автомате, не задумываясь, спасибо Витькиной памяти. Отмахиваясь от комаров, тучей вившихся над помойкой, быстро забежал обратно. На улице накрапывал мелкий дождь, поэтому во дворе было пусто.

Покончив с делами, включил телевизор и улегся на скрипучую оттоманку и, вперив взгляд в черно-белый экран, задумался о сегодняшнем, очень продуктивном дне, давшем обильную пищу для размышлений.

Больше всего, естественно, меня занимала сегодняшняя встреча девушкой, занявшей мое место в этом мире.

Вообще, странное появление моего Я в теле пятнадцатилетнего парнишки изрядно подкосило мое материалистическое мировоззрение. Хотя и истинно верующим я не стал.

Но все же, черт побери! Кто-то ведь перекинул меня сюда. Возникает вопрос, сделано это было случайно, или в событии имелась какая-то цель. И смогу ли я эту цель обнаружить. Хотя, возможно, я зря все так усложняю, и мое появление обусловлено банальной флуктуацией, о природе которой мы еще понятия не имеем.

– Логично допустить, если имелось одно сверхъестественное событие, то не исключено и еще одно, а возможно и несколько событий, – подумал я и мысленным усилием попытался сотворить фаербол.

К сожалению, сотворить ничего удалось. Даже искорки не появилось.

– Возможно, меня наградили другими способностями, только не сказали какими, – подумал я и начал гипнотизировать нашу кошку Нюрку, лежавшую на маминой кровати.

Однако Нюрка даже не повернула головы. Гипноз тоже не сработал.

– Надо, пожалуй, завтра в баню сходить, – неожиданная мысль пришла в голову. – После больницы еще ни разу не мылся, заодно взвешусь, посмотрю, сколько прибавил килограмм. Вчера пришлось еще одну дырку в ремне гвоздем прожигать.

Вскоре с такими мыслями меня потянуло в сон. Дожи-

даться маминого прихода я не смог. Выключил телевизор и улегся в постель. Последнее что увидел, засыпая, улыбающееся лицо девочки, виденной сегодня. Вроде бы её звали Шурочка, ну прямо, как меня в прошлой жизни.

– Утром можно было понежиться в постели, что я с большим удовольствием и сделал. Но долго валяться не пришлось.

– Витя, хватит спать, – послышался с кухни мамин голос. – Воды надо принести.

Глянув в окно, увидел, что от дождя не осталось и следа. Солнце ярко светило в окно, слепя глаза.

Взяв коромысло и ведра, я отправился к колонке. Было бы поближе, можно бы обойтись и без коромысла, но до колонки надо было шагать и шагать.

У колонки, как обычно толпилась малышня, обливая друг друга водой. Навстречу мне шла с полными ведрами Нинка Карамышева. Мы с ней поулыбались друг другу, Потом Нинка заворчала, увидев пустые ведра, и пошла дальше. Разогнав мелких хулиганов, я тоже набрал воду и отправился в сторону дома. Догонять Нинку не стал. Разглядывать её симпатичную попку прикрытую только легким платишком и просвечивающими через него трусиками в горошек сзади было гораздо интересней. Наверняка Карамышева подозревала, чем я занимаюсь, потому что виляние ягодиц стало интенсивней.

– Чёрт! Как девчонки это делают? – В который раз за свою

жизнь восхитился я. – Ведь никто не учит, инстинкт наверно работает. Вот и Нинка, на меня фунт презренья и ноль варенья, а жопой все равно крутит.

В таком порядке мы дошли до дома. Около подъезда Карамышева поставила ведра на скамейку, а коромысло прислонила к стене.

– Вить, ты, правда, что ли документы в медучилише сдал? – спросила она.

– Абсолютная, – подтвердил я.

Похоже, моя одноклассница удивилась нестандартному ответу. Она нахмурила брови и сообщила:

– Станным ты Гребнев стал после больницы, Вон Валерка Лебедев тоже удивляется. Мол, Витька даже материться перестал.

На кого хоть учиться будешь в училище, не вместе с Птичкиной?

– На фармацевта, – лаконично ответил я. – Так, что со Светкой только в коридорах будем встречаться.

– На фармацевта! – в Нинкином возгласе отразилось все её удивление моим решением. – Витька, ты будешь торчать у прилавка и лекарства продавать!?

– У нас все профессии почетны, – парировал я, внутренне улыбаясь и прикидывая, что на это сможет ответить ученица девятого класса.

Увы, ничего Нина не ответила. Это поколение советских детей хорошо знало, когда говорить, много не следует.

Нас учили, что все профессии почетны, но, несмотря, на эти слова, мы все понимали, что есть профессии почетней, а есть и не очень. Недаром после десятого класса выпускники дружно несли документы в ВУЗы, и только жизнь потом расставляла все по своим местам. Кто-то вместо того, чтобы сидеть у синхрофазотрона работал кладовщиком, а кто-то водителем или продавцом.

– А ты кем хочешь стать? – спросил я девушку.

– Ну, я еще не думала по-настоящему, – замялась та. – Наверно, буду поступать в пединститут, на иняз. Но впереди еще два года учебы, многое может измениться.

– Там вообще-то конкурс по восемь человек на место, – заметил я. – Придется постараться для поступления.

– Знаю, – вздохнула Нина, – было бы здорово на медицинский поступить, но там вообще конкурс под двадцать человек.

– Думай, – сообщил я. – Время еще есть.

Девушка посмотрела на меня и вдруг спросила:

– Витя, ты завтра, чем занят?

– Да, собственно, ничем, – растерялся я. – А в чём дело.

Нинка слегка порозовела.

– Может, сходим с утра на речку, часа на два. Мы со Светкой обычно ходили, но она уехала с родителями на юг. Одной идти не хочется.

Витькина часть сознания во мне забила в истерике от привалившего счастья, я же пытался понять, с каких щей

мне делаются такие предложения. Может, на самом деле девушка боится идти одна? Хотя из меня защитник еще тот – аховый. Вот только в наших двух домах, кроме меня и Валерки Лебедева ребят нашего возраста не имеется. Малышня одна.

– Давай, – согласился я. – Выйдем часов в десять, до обеда можно позагорать.

Витька во мне пребывал в нирване, а я ругал себя за мягкотелость, ведь хотел заняться поисками работы, но стоило симпатичной девочке о чём-то попросить, как сразу забыл о своих планах.

– Сынок, чем сегодня займешься? – спросила мама, когда я, пыхтя от усердия, ставил ведра на их место в коридоре.

– Вообще-то, хотел в баню сходить, – ответил я. – Но Нинка Карамышева позвала с ней завтра позагорать на речке, так, что баня завтра вечером будет в самый раз. А сегодня займусь поиском работы, хочу прогуляться в пару мест.

В этот момент на кухне у мамы что-то упало, зайдя туда, обнаружил, что мама подбирает с пола чайные ложки.

– Вот, уронила, нечаянно, – смущенно сказала она. – Ты не сочиняешь? Нина тебя действительно позвала с собой.

– Я пожал плечами.

– Не сочиняю, минут пять назад разговор был. Мы вместе от колонки шли. Её вечный хвостик Светка Птичкина уехала с родителями на юг, а одна она боится на речку идти.

Мама на мой спич ничего не сказала, но её красноречивый

взгляд говорил о многом и я даже догадывался, о чем она думает.

Из Витькиных воспоминаний я знал, что он всегда находился в тени старшего брата. Тот всегда был веселым общительным парнем-красавцем, на которого толпой вешались девчонки и любили учителя. Все ему давалось легко и просто. Именно благодаря его опеке Вите повезло в младших классах, когда среди мальчишек шла борьба за лидерство. Его в этой борьбе просто отодвинули на обочину, не задев ни физически не морально. Для этого Вовке Гребневу не надо было даже пускать руки в ход. Хватило пары бесед в школьном туалете с некоторыми личностями, чтобы его брат стал неприкасаемым. Возможно, если бы Витька был по характеру другим человеком, он не стал бы впутывать старшего брата в эти проблемы и решал бы их сам. Но ему так было удобно, поэтому, окончив восьмой класс, он даже ни разу не подрался. В итоге заслужил репутацию полного ботана, при этом не шибко умного.

Конечно, мама прекрасно знала чего стоит её сын, как защитник, поэтому её взгляд был полон сомнений.

– Не стоило бы вам туда идти, – сказала она нерешительно. – Конечно, с утра там хулиганья не бывает, но мало ли что.

Я улыбнулся.

– Мама, так что? Мне отказаться, мол, Нина, прости, но я боюсь хулиганов.

Мамины глаза подозрительно заслезились.

– Витя, я тоже боюсь за тебя. Ты несколько дней, как из больницы выписался. Может, скажешь Нине, что плохо себя чувствуешь?

– Нет, мам, не отговаривай, все равно от всех невзгод ты меня не убережешь, так, что начну с малого, с похода с девушкой на речку.

Мама, улыбаясь сквозь слезы, сообщила:

– Ты, только на этот каравай рот не разевай, сынок. Нина у нас птица высокого полёта, ничего у тебя с ней не получится.

Нет! Все-таки разум женщины – темная штука. Как в нем проходят мыслительные процессы ни одному мужчине не понять.

Я собрался сходить с соседкой по дому на речку, искупаться и позагорать на пару часов. А моя мамочка меня уже женит.

Наш поход на речку с бывшей одноклассницей прошел без проблем. Хулиганов, которых так опасалась мама, на пляже не имелось. Зато отдыхающих было так много, что место, где можно было расстелить покрывало найти, сразу не удалось.

Но все же такое место было найдено и мы, расстелив покрывало, начали дружно разоблачаться.

Ну, что тут говорить, не Адонис я совсем. Худой нескладный парень. Зато когда Нина начала через голову снимать платье, взгляды наших соседей мужского рода сразу остановились на ней.

Видимо, меня посчитали братом девушки, потому, что завистливых взглядов в мою сторону никто из парней не бросал.

Время прошло незаметно, мы несколько раз забирались в воду, я даже храбро переплыл на другой берег реки, благо до него было метров тридцать.

Потом лежали, отогреваясь на солнце, и болтали о всякой всячине. Конечно, я помнил о словах матери, что Нина – птица не моего полета, да я и сам не особо стремился к более близкому знакомству. Но что греха таить, лежать рядом с нимфеткой одетой только в две тряпочки, было приятно, правда, эндорфины в крови будоражили не только верхнюю голову, что доставляло определенные неудобства.

Когда мы возвращались домой, Нина задумчиво призналась.

– Витя, до меня окончательно дошло, что ты притворялся в школе. Только никак не могу понять, зачем ты это делал, и почему сейчас перестал скрывать свои знания. Сегодня, когда мы разговаривали на пляже, я иногда тебя не понимала, о чём ты говоришь, просто не знала этих слов.

– Ого! – Мысленно воскликнул я. – Надо же так проколоться, вот, что гормон животворящий делает! Совсем за речью следить перестал.

– Нина, спасибо за комплименты, – я постарался все перевести в шутку. – Думаю, что их не заслужил. А что касается знаний, то я в больнице почти за два месяца всю тамошнюю

библиотеку перечитал. Вот и поднабрался книжной премудрости.

Нина ничего не ответила на мои оправдания, но её взгляд был полон подозрения.

– Может, как-нибудь еще сходим на речку, – спросила она, с надеждой глядя на меня, когда мы добрались до дома.

– Возможно, и сходим, – сообщил я и добавил. – Но если устроюсь на работу, то походы можно планировать только на выходные. Может, тебе стоит с Валеркой поговорить. Он парень бойкий, не то, что я. И на гитаре сыграет и в глаз даст, если, кто попросит.

Нина странным взглядом окинула меня.

– Витя, мы с тобой полдня на одном покрывале рядом лежали, ты пальцем до меня не дотронулся. Если с Лебедевым пойду, то спокойно загорать не получится, он все время будет приставать. Ладно, я пойду, спасибо за компанию.

Сказав это, Карамышева скрылась в подъезде. Я же медленно пошел к своему подъезду, размышляя над тем, что сейчас услышал. Хотя ничего особенного в словах девицы не имелось. Все услышанное укладывается в особенности женского организма в пубертатном периоде. И сейчас мне мягко показали, где мое место.

Домой я зашел с улыбкой на губах, мама, сразу её срисовавшая, немедленно поинтересовалась:

– Вить, ты чего веселый такой? Неужели еще собираешься с Нинкой на речку пойти?

Ну, и что прикажете отвечать? Мама и так прекрасно поняла резоны, по которым её сына выбрала в спутники красивая девчонка. Теперь переживает за меня.

– Да, нет, мама, просто предложил Карамышевой в следующий раз взять Лебедева с собой, она в ответ состроила такую рожу, мне до сих пор смешно.

Мама недоверчиво поглядела на меня, потом звонко рассмеялась.

– Неужели так и предложил? – спросила она сквозь смех.

– Ну, да, что же мне теперь каждый день её купать ходить? – удивился я.

Мама рассмеялась еще сильнее и неожиданно сморщилась.

– Мам, что случилось? – встревожился я.

– Да, вот порезала руку сегодня, пока капусту рубила, – пожаловалась она и показала большой палец левой кисти, грубо перемотанный кровавой тряпицей. – Уже час кровь не останавливается, вторую тряпку меняю.

– Понятно, – сказал я и пулей понесся на улицу. Далеко идти не пришлось, вдоль деревянных сараев все заросло подорожником и пастушьей сумкой.

Сорвав несколько листьев подорожника, и несколько стеблей пастушьей сумки я вернулся домой.

Увидев мои трофеи, мама грустно покачала головой.

– Не поможет сынок, я уже один лист привязывала, никакого толку не было.

Не отвечая, я кинул зелень в кастрюлю, залил холодной водой и приступил к поискам ступки.

Какое-то странное ощущение коснулось меня, когда я положил листья подорожника и пастушью сумку в фарфоровую ступку.

– Пастушьей сумки, надо добавить еще один стебель с цветками, – говорило оно.

Последовав неведомому советчику, я положил еще стеблек и начал растирать зелень в кашу.

Через полминуты чуть не выронил пестик из руки, мне показалось, что он стал ощутимо теплее.

– Наверно показалось, – подумалось мне, и я продолжил процесс растирания.

– Достаточно, – еще через пару минут подсказала прорезавшаяся интуиция.

– У тебя, где-то были напальчники? – спросил я мамы, безмолвно наблюдающей за моими действиями.

– Возьми, они на второй полке в буфете лежат, – отмерла та.

– Тогда приступим к перевязке бодро сообщил я и напивав зелёной кашицы в напальчник, одел его на порезанный, кровоточащий палец.

После чего чистым широким бинтом сделал фиксирующую повязку.

Прошла минута.

– Витя, палец перестал болеть, – потрясенно сказала мама

и начала разглядывать повязку, – и кровь вроде бы не идет.

Я же в это время смотрел на остатки протертого подорожника и пастушьей сумки и пытался понять, что сейчас произошло.

– Вот видишь, помогло, а ты не верила, – гордо заявил я, убедившись, что кровь, действительно остановилась.

Конечно, она бы и так остановилась через какое-то время. Просто мама волновалась, заматывала, разматывала тряпку и не давала организму возможности самому решить эту мелкую проблему.

Вообще то, перетирая подорожник и пастушью сумку, я надеялся, что после перевязки мама успокоится и не будет больше тревожить порез.

Но на то, что моя самодеятельная смесь даст такой обезболивающий эффект, не рассчитывал ни грамма.

И теперь я пытался понять имело ли место обезболивание на самом деле, или это был чисто психологический эффект типа плацебо. И еще мне никак не удавалось для себя объяснить тот момент, когда пестик потеплел у меня в руках.

– Неужели это и есть та фича, подаренная неведомой сущностью?

В голове закружились десятки мыслей и предположений, что делать и как выявить все стороны своей новой особенности. Конечно, если я не ошибаюсь, и никаких уникальных способностей у меня не имеется.

– Эй, герой-купатель и мастер перевязок ужинать бу-

дешь? – спросила мама, сразу после перевязки, загремевшая тарелками на кухне.

Конечно, буду, – ответил я, мой желудок уже давно напоминал, что за большую часть дня мы с Нинкой съели на двоих два помидора и один огурец, запив всю эту роскошь бутылкой лимонада «Крюшон» и «Дюшеса». Правда, «Крюшон» я пил один. Нинка предпочла купить бутылку «Дюшеса», все-таки он стоил всего двадцать две копейки, из которых 12 стоила бутылка. Мне никогда не нравился этот лимонад, для меня он был слишком сладкий и напоминал леденцы.

Крюшон же стоил 37 копеек и для нас был ощутимо дороже. Но что не сделаешь, чтобы вспомнить снова тот неповторимый вкус детства.

– Витька, у тебя сейчас такое лицо, будто ты пьешь что-то очень вкусное, – сообщила Карамышева, внимательно разглядывая меня. – Дай мне попробовать, а я с тобой Дюшесом поделюсь.

– На фиг твой Дюшес, можешь так попробовать, – сообщил я, протянув её бутылку, втайне надеясь, что Нинке лимонад не понравится. Ведь денег у меня больше не было. А двадцать четыре копейки за две пустые бутылки хватит только на сладкий Дюшес.

Сейчас же я налег на ужин, тем более что он по объёму был усилен пропущенным обедом.

Мама только успевала подкладывать добавку в тарелки.

– Кушай, кушай, – приговаривала она. – После больницы совсем отошел, надо вес набирать.

Вместо ответа, я показал на ремень в брюках, с двумя прожженными дырками на самом его конце. Килограммы набирались с удивительной скоростью.

Мама вздохнула и достала из комода новый кожаный ремень.

– Держи, еще зимой купила тебе на вырост, надеялась, что за лето подрастешь, поправишься. К нему бы еще костюм купить, – сообщила она.

– Поэтому мне и необходимо устроиться на работу, надо к учебе немного приодеться, – ответил я. – Может, ты поговоришь с Натальей Владимировной, возможно, она согласится взять меня грузчиком, или фасовщиком.

– Ох, Витя, не болтай ерунды, – возмутилась мама. – Какой из тебя грузчик, ты после тяжелой травмы и двух месяцев в больнице, собираешься мешки с сахаром и мукой из машин разгружать? На себя в зеркало посмотри!

– Мда, действительно, чего это я так разошелся, – скептически подумалось мне. – Видимо, субъективно чувствую себя хорошо, поэтому ляпнул не подумав. Нет, надо искать работу без таких физических нагрузок. Я мешок с сахаром от земли вряд ли оторву, не говоря о том, что на себе его таскать.

– Ну, хорошо, согласен, грузчик из меня не получился. Тогда может, стоит санитаром в больницу пойти?

Это можно, – согласилась мама. – Завтра с тетей Машей поговорю, у них вечно санитарок в отделении не хватает. Только сомнения все равно гложут, не убежишь ли с работы в первый рабочий день? Ты же у меня нытик известный.

– Не убегу, – пообещал я. – Пока в больнице лежал, видел, чем санитарки занимаются. Думаю, что справлюсь, не боги горшки обжигают.

– Надеюсь, – тихо произнесла Валентина Викторовна, – действительно, не боги. Сильно тебя травма изменила, сынок, порой, вот, как сейчас, слушаю и не узнаю. Говоришь, как взрослый человек, ничего в тебе мальчишеского не осталось.

Вроде бы наша беседа закончилась, и я начал собираться в баню, и дискуссия разгорелась снова.

– Вить, в какую баню пойдешь?

– Как, куда, в баню № 2. – сообщил я.

– Не ходи, лучше иди в баню № 4.

– А почему?

– А потому, что в четверке парилка на дровах начала с мая работать.

– Зато в четверку дальше идти, – уже из коридора ответил я.

– Зато в четверке пар здоровей, – нанесла мама добивающий удар.

– Ладно, пойду в четверку, – сообщил я и, взяв чемоданчик с бельем и полотенцем, вышел из квартиры.

Спустившись на первый этаж, лицом к лицу столкнулся с Валеркой Лебедевым.

– Здорово, Шибза! – воскликнул он, увидев меня. – Куда это ты с чемоданом намылился?

– Еще не намылился, в баню приду, там намылюсь, – сообщил я в ответ.

– Витька! Слушай! Подожди немного, я тоже с тобой за кампанию схожу, хоть отмоюсь по-настоящему после сегодняшней практики.

Поход в баню с Валеркой мне не очень нравился, но отказываться без причины было неудобно.

Так, что пришлось ждать.

Лебедев долго не собирался, через пять минут он вылетел на улицу и сразу начал озираться по сторонам.

– Ты, чо, Витька, париться не будешь? – спросил он, забираясь на ближайшую березу с ловкостью не хуже обезьяньей.

– Ну, я думал в бане веник купить.

– Ну, ты и... – обрывая березовые ветки, прокомментировал Валерка. – Нашел, на что деньги тратить. Сейчас мы с тобой пару веничков забацаем и пойдем.

Усевшись на скамейке, мы в четыре руки быстро соорудили два веника и отправились к своей цели.

Глядя на Лебедева, я понял, что ему, действительно, необходимо помыться. Мало того, что руки у него были черными от мазуты, лицо тоже нуждалось в мытье.

– Валера, ты чего такой грязный сегодня, вроде раньше с

работы таким не появлялся?

Лебедев на ходу рукой с веником почесал затылок.

– Тут, понимаешь, такое дело. Мы с парнями после смены в раздевалке в буру решили поиграть. Так мастер пришел расп... ся, все сразу разбежались кто куда. Вот я в душ и не попал.

С подобными разговорами мы, наконец, дошли до бани.

Очередь в гардероб оказалась небольшой, так, что через пять минут мы уже раздевались около своих шкафчиков.

Раздевшись, я первым делом отправился к весам. В больнице весы имелись в приемном покое, куда мне хода не было, поэтому до сих пор я не имел понятия, сколько во мне килограмм. По Витькиным воспоминаниям до травмы он весил тридцать девять килограмм.

Встав на весы, я начал двигать гирьки, чумазый Валерка с интересом следил за моими действиями.

После моих манипуляций весы показали вес сорок восемь килограмм.

Увидев эту цифру, я не поверил своим глазам. Гребнев последний раз взвешивался в начале апреля, сейчас идет вторая половина июля. Получается, я прибавил девять килограмм за три с половиной месяца.

В принципе, в этом ничего удивительного нет. Ведь мой брат в этом возрасте был намного массивнее, чем я, а отец, судя по фотографиям, был еще здоровей. Так, что есть, в кого расти.

Мой спутник был вполне с этим согласен.

– Слышь, Витёк, а ты поздоровел, – заметил он. – Я только сейчас заметил, что мы с тобой одного роста. Ну-ка, слезай быстрее, я тоже взвеситься хочу.

– Эй, хулиганьё! Вы там не подеритесь из-за весов! – раздался вредный старушачий голос. Оказывается бабка, пившая чай за столиком, внимательно наблюдала за нами.

– Не подеремся, бабка, не ссы! – отвечивал ей Валерка, за словом в карман он никогда не лез, ему их и так хватало.

Старуха от неожиданности чуть не подавилась чаем, а мы тем временем скрылись в моечном отделении.

– Вот зараза какая! – не мог успокоиться Лебедев. – Сидит старая в мужской раздевалке, херами любитесь, наверно в молодости не насмотрелась.

Я фыркнул от неожиданной фразы и, не удержавшись, засмеялся.

Найдя свободные тазики, мы повесили на их ручки номерки и первым делом, после того, как кипятком ополоснули мраморные скамейки, запарили веники.

– Ну, что идем в парилку, – предложил Лебедев буквально через пару минут, ему явно не терпелось опробовать свой веник. В моечном отделении народа было не особо много. В парилке тоже людей было маловато, поэтому мы без проблем забрались на верхний полוג.

Валерка сразу начал с остервенением бить себя веником по спине, животу, в общем, куда попало.

Я же отсел подальше от своего напарника и постарался расслабиться и прогреться. Жар в парной был нехилый, любители еще не успели залить камни водой, поэтому в помещении было сухо, как в сауне. И я пожалел, что послушал маму и пошел в эту баню. Ну, не нравился мне такой сушняк.

Но теперь дело сделано, так, что нужно расслабиться и получать удовольствие.

– Витька, ты чего не паришься? – слегка задыхаясь, спросил Лебедев, закончив колотить себя веником.

– Валера, – снисходительно ответил я. – Вижу, ты в этом деле ничего не понимаешь. Кто же зайдя в парную сразу начинает себя веником колотить?

Нужно подышать, прогреться, нам торопиться никуда не надо.

– Это точно, – заметил тощий мужичок с вытатуированными портретами Сталина и Ленина на груди и медным крестиком на шнурке. – Соображаешь, пацан. Баня суеты не терпит.

Валерка насупился, и явно хотел что-то сказать, но, заметив татуировки перстней на пальцах мужика, резко заткнулся.

Во второй заход я слегка погладил себя веником, но без надрыва. Все же совсем недавно Витька Гребнев получил тяжелую травму, и осложнений получать совсем не хотелось.

Через полтора часа мы, наконец, закончили с мытьем и начали одеваться. Бабка больше к нам не приставала, ей бы-

ло не до этого, она зацепилась языком с бывшим зэком и что-то ему оживленно рассказывала.

Когда мы спустились на первый этаж, Лебедев ожидаемо выдал:

– Ну, что по пиву?

– А, давай! – махнул я рукой. И мы двинули в буфет.

Естественно, народа в нём было полно, сюда ведь шли пить пиво не только банные клиенты, но и просто желающие с улицы.

Еще в коридоре чувствовался тот запах, которого я не ощущал много-много лет. Смесь запахов дубовых бочек, пива, папирос и махры, – создавала тот неповторимым микст, напрочь исчезнувший в пивных барах двадцать первого века.

От удовольствия и нахлынувших воспоминаний я даже зажмурился.

Неожиданно по очереди прошел довольный ропот.

– Мужики, сейчас новую бочку буфетчица открывает. Свежак!

Не успела грузная тётка выкрутить кран с насосом из пустой бочки, как два добровольца мигом её укатали и прикатали полную.

Мы, молодые, стояли тихо, не вмешиваясь в мужицкие разговоры, стараясь никого не задеть, мало ли, начнут орать, чтобы пацанам не наливали. Но обошлось, через пятнадцать минут мы, отдав по 26 копеек, получили по кружке пива. Ва-

лерка что-то недовольно пробубнил, что на улице в пивном ларьке кружка стоит двадцать две копейки, на что я заметил, что за комфорт надо платить. Правда, Лебедев не вполне понял, что такое комфорт, но согласился со мной.

К сожалению, из бани нам пришлось быстро делать ноги. Ведь, как чувствовал, не стоит идти вместе с Валеркой.

Когда мы собрались выходить из буфета, Лебедев неожиданно схватил меня за плечо.

– Стой! – прошипел он.

Я недоуменно обернулся. Валерка, стоя за моей спиной, напряженно глядел в фойе, где в очередь в гардероб со смешками встали несколько парней.

– Это шобла Сереги Жданова с этого района, – тихо пояснил мой спутник. – У меня с ними большие тёрки. Я на прошлой неделе на танцах Серегиному брату рыло начистил. Если заметят, пи...а рулю. Тут, конечно, задираться не станут, но могут за нами пойти. А с тобой... – тут Валерка кинул на меня оценивающий взгляд и с сожалением добавил. – С тобой мы ни хрена не отмашемся.

Честно сказать я не горел желанием драться после бани. Витькина часть сознания вообще спряталась где-то в уголке моего сознания.

Зато Лебедев, похоже, был полон боевого задора. Его кулаки сжимались и разжимались и, похоже, в мыслях он уже всю раздавал плюхи и тумачи своим врагам.

– Валера, послушай, не нарывайся, – я тихо сказал ему. –

Сейчас парни получают номерки, и отправятся в моечное отделение, и мы тоже сможем уйти.

– Да знаю я, – раздраженно отозвался Лебедев. – Эх, если бы ты, Витька был покрепче! Тогда можно было бы кровянку кое-кому пустить.

К сожалению, я понятия не имел, что ждет моих родных и соседей в будущем, в том числе и Валерку. Но почему-то казалось, глядя на него, что его желание попасть в тюрьму, где он сможет выучить кучу блатных песен, в ближайшие годы сбудется.

Настроение у моего спутника резко упало, видимо давил на нервы нарастающий адреналин, поэтому, когда после непродолжительного ожидания мы направились в сторону дома, несколько минут Валерка угрюмо молчал. Но, как типичный холерик, долго злиться он не смог и начал мне оживленно рассказывать, как последний раз дрался на танцах.

Мне до его драк было фиолетово, но все равно слушать пришлось. Поэтому, когда мы добрались до нашего подъезда, настроение сразу скакнуло вверх.

– Чего улыбаешься? – спросила мама, когда я зашел домой.

– От удовольствия, – ответил я. – Отлично помылся. В больнице так под душем не получится, да и веником не помашешь.

– Ага, – согласилась мама. – Видела я, как Валерка за вениками по деревьям, чище макаки прыгал. Хвоста только

ему не хватало.

Хорошо, что ты догадался не лезть на березу. Тогда бы я точно вас по домам разогнала.

Только сейчас я обратил внимание, что мама чересчур разговорчива.

Зайдя в комнату, обнаружил, что у нас в гостях её подруга тетя Маша.

На столе обнаружилась початая бутылка «Московской» и вазочки с маринованными и солеными грибами, Чего-чего, а грибов у нас всегда было в избытке. Две кастрюли, одна с картошкой в мундире, другая с котлетами завершали ансамбль.

– Здравствуйте, Марь Иванна, – поздоровался я.

– Чего это ты так официально? – обиженно прогудела женщина. – Вроде всегда тётей Машей называл, а сейчас по отчеству.

– Слушай, Валентина, а парень то у тебя повзрослел, – обратилась она к маме. – Тебя почти догнал по росту. И плечи вроде шире стали.

Мама кивнула.

– Я тоже заметила, всю одежду надо покупать на осень, – вздохнула она.

Тетя Маша хлопнула рукой по табуретке, стоявшей рядом.

– Витя, присаживайся, поговорим.

Я осторожно примостился рядом с ней. Мама в это время поставила на стол тарелку с двумя котлетами и несколькими

картофелинами.

– Давай, ешь, растущему организму еды много не бывает.

– Это точно, – заметила тетя Маша и опытной рукой налила рюмки по края.

– Тебе, Витя, не наливаем, мал еще с нами водку пьянствовать.

Мне пришлось пожать плечами.

– Да, я вроде и не претендую.

– Вот и хорошо, – сказала тетя Маша и продолжила. – Валь, давай еще по одной за нас, может удача и на нашу сторону заглянет.

– Давай, – согласилась мама, и женщины синхронно опрокинули рюмки, что свидетельствовало о немалой практике.

Затем тетя Маша повернулась ко мне.

– Значит, хочешь работать санитаром у нас в отделении?

– Хочу, – ответил я, прожевав кусок котлеты.

– Именно в отделении, другие варианты тебя не интересуют?

– Хм, а есть другие варианты? – тут же спросил я.

Есть, – сказала тетя Маша и повернувшись к маме, начала объяснять уже ей.

– В больнице есть автоклавная, в ней работает молоденькая медсестра Женя Лукьянова. Так-то, она одна справлялась на полторы ставки автоклавщицы и за санитарку. Но ей до декрета остался месяц. Поэтому стало тяжело уборкой заниматься. Тем более, еще целый день биксы с бельем

приходится таскать.

В сентябре она в декрет уйдет и на её место возьмут новую медсестру, та уже на курсы ходит по работе с паровыми стерилизаторами, Так, что твоему Витьке нужно будет около месяца до этого времени поработать санитаром, а дальше уже новая работница сама эту ставку займет.

Мама тут же спросила, сколько квадратных метров в помещениях автоклавной и что, кроме мытья полов будет входить в мои обязанности. Короче, исключили меня полностью из обсуждения.

– Эй, дамы? Алё, гараж?! Вы не забыл, что я на работу устраиваюсь? – пришлось прервать беседу подвыпивших подруг.

– Витя, не мешай, – отмахнулась мама от меня. – Ничего мы не забыли, в том числе и то, что ты понятия не имеешь о чём спрашивать.

Я соорудил огорченную физиономию, хотя работа, предложенная тётёй Машей, меня полностью устраивала. Вернее, не совсем полностью. Работать нужно было шесть дней в неделю, при одном выходном. Я же рассчитывал на режим в отделении, когда при двенадцатичасовом графике, можно было рассчитывать на большее количество свободных дней.

С другой стороны, мыть несколько помещений автоклавной и помогать медсестре в никакое сравнение не шло с нагрузкой в хирургическом отделении, где за двенадцать часов работы вымотаешься напроочь.

В конце концов, женщины пришли к согласию и дружно поинтересовались, согласен ли я на такую не особо интересную работу.

Я с высоты своего возраста, смотрел на это дело прагматически. Меня в первую очередь интересовала заработная плата.

– Марь Иванна, а в автоклавной полная ставка санитарки, или половинка? – спросил я.

– В том-то и дело, что на этот год полная ставка. Главврач периодически угрожает, что оставит только половину ставки, только тогда вообще никого на работу туда не найдет – улыбнулась тётя Маша с таким видом, что сразу стало понятно, как она любит и уважает своего главного врача.

– Так, что? Ты согласен? – спросила она.

– Конечно, согласен, отличная работа, даже не ожидал, большое спасибо, тётя Маша!

– Тогда послезавтра жду вас в больнице, Получим визу зав отделением, потом пойдем в отдел кадров.

– А у главного врача визировать заявление не нужно? – в очередной раз спросил я.

– Не нужно, – сообщила тётя Маша, разливая остатки водки по рюмкам. – Главнюк в отпуске. Наш Роман Валентинович остался за него.

Еще раз поблагодарив мамину подругу, я ушел к себе и прилег, переваривая обильный ужин. А мама с тете Машей продолжили банкет, ради этого мама вытащила маленькую,

спрятанную в белье. После того, как маленькая была распита, тётя Маша собралась домой. Но еще раз напомнила, чтобы устраиваться на работу мы пришли вместе, чтобы у мамы могли взять согласие на работу её сына – подростка пятнадцати лет.

На работу меня приняли без проблем. Тетя Маша, отдала нам с мамой мое заявление с визой и. о. главного врача, с которым мы и отправились в отдел кадров. Там тоже никто моему появлению не удивился. Мне оформили трудовую книжку, которую сразу убрали в сейф к остальным и даже завели форму Т2.

После этого мы вернулись в хирургию, и мамина подруга повела нас в подвал, где располагалась автоклавная. Собственно, найти её проблем не составляло. Каталки с горами биксов на них, стройным рядами стояли вдоль стены.

Когда мы зашли в помещение, медсестра как раз открыла крышку одного из автоклавов. Видимо сделала это, не дождавшись пока полностью снизится давление, потому что из аппарата вырвался клуб пара.

Девушка надела перчатки, и начала вынимать горячие биксы с хирургическим бельем и другим стерилизованным материалом, перекладывая их на каталку.

Глядя на неё, я понял, почему меня определили к ней в помощники. У мамы при взгляде на неё тоже появилось жалостливое выражение на лице. Худенькая девочка, чуть пониже меня ростом, выглядела откровенно плохо.

Хотя многие неспециалисты считают, что беременность красит женщину, в случае с Женей Лукьяновой это утверждение явно надуманно.

Возможно, её живот, и не казался бы таким большим, но в сочетании с миниатюрностью фигуры, тоненькими ножками и бледным лицом, явно не соответствовал шести месяцам беременности. Если бы не знал точно о сроке, подумал, что ей скоро рожать.

– Что же вы изверги творите! – возмутилась мама, глядя, как девушка, или точнее уже женщина, шустро укладывает биксы на каталку. – Пигалицу на такую работу поставили.

Женя Лукьянова положила очередной бикс на каталку и неожиданно сильным звонким голосом заявила.

– Я вам не пигалица! И вообще, что вы тут делаете? Посторонним здесь нельзя находиться!

Мама сконфузилась и замолкла. Зато тетя Маша с ехидцей в голосе сообщила.

– Женечка, не волнуйся, тебе же рекомендовали избегать сильных эмоций. Познакомься с Витей Гребневым. Юноша будет работать санитаром в автоклавной, так, покажи ему, что где лежит, ознакомь с обязанностями. Потом направь к старшей сестре для инструктажа и росписей в журналах. На работу он выходит завтра с утра.

– Да вы, что? – возмущенно воскликнула девчонка, – Как я буду работать в одном помещении с мужчиной?! Миша узнает, меня убьет!

Мама переглянулась с тётёй Машей, и они дружно засмеялись, через несколько секунд я тоже к ним присоединился.

Девушка непонимающе смотрела на нас, пока не поняла в чем причина смеха.

Залившись румянцем, она сказала, что раз уж этот Гребнев будет работать санитаром, то пусть остается, а все остальные должны немедленно покинуть помещение.

Мама и её подруга, все еще смеясь, двинули на выход, сообщив, что будут меня ждать в отделении.

Домой мы вернулись во второй половине дня. Пришли поздно, потому что мама решила пройтись по магазинам, присматривая мне одежду. Но не только мне. Она долго стояла, разглядывая шеренгу платьев на вешалках в универмаге, периодически поглядывая в мою сторону.

– Сколько будешь думать? – наконец, не выдержал я. – Если нравится, покупай. Молодая красивая женщина должна хорошо одеваться.

Мама явно засмушалась.

– Ой, Витя, ты уж скажешь, молодая. Какая я молодая? Скоро тридцать пять лет исполнится.

Я засмеялся.

– Разве тридцать пять лет – возраст? Смотри, как на тебя мужчины заглядываются. Только намекни, сразу замуж позовут.

Мама нахмурилась, улыбка ушла с её лица.

– Витя, ты знаешь, что единственного сына у матери не

могут забрать в армию, особенно если первый сын у неё там погиб? – тихо спросила она.

Я пожал плечами.

– Вроде, что-то такое слышал.

– Так вот, пока тебе двадцать семь лет не исполнится, я о замужестве даже слышать не хочу. Ведь если у меня появится муж, тебя смогут забрать в армию.

Я огляделся в поисках любопытных ушей, но рядом никого не было.

– Мама, магазин не место, где об этом можно говорить. Покупай платье, раз оно так тебе понравилось, а дома вернемся к этому разговору.

– Ох, Витька, – вздохнула мама. – Я тебя временами начинаю бояться, Два месяца назад был мальчишка, как мальчишка, нес всякую ахинею, самопалы мастерил, а сейчас ничего в тебе от этого мальчишки не осталось. Комнату сам убираешь. И в кого ты такой серьезный? Колька, папаша твой, честно сказать, дурак дураком был. Да и я не лучше. Семнадцать лет, что я понимала. Повелась на красивое лицо, да фигуру. А в результате осталась одна в двадцать один год с двумя детьми на руках. А Коля испарился на просторах Советского Союза. Завербовался на Дальний Восток и с концами.

– Однако! – мысленно воскликнул я. – Какие разговоры мама со мной завела, раньше такого никогда не рассказывала. Видимо дошло, что сын резко повзрослел.

Затем была долгая процедура примерки. Продавщица косилась на меня, когда слушал мои комментарии по поводу очередного платья. Видимо, она никогда не видела пятнадцатилетнего парнишку со знанием дела комментирующего недостатки и достоинства очередного наряда. В конце концов, платье мы купили и потопали домой.

– Ну, вот, – печально вздохнула мама, когда переступила порог квартиры. – Собиралась сыну рубашку новую купить, а вместо него купила платье.

– Купила и хорошо, давно пора начать уделять себе внимание, хватит об этом говорить, лучше пообедаем, а то есть хочется не по-детски.

– Сейчас-сейчас, – засуетилась мама, бросив сверток на диван, и, переодевшись, загремела кастрюлями.

После обеда я ушел к себе и лёг на кровать. Однако спать почему-то не хотелось. Покрутившись, я встал и начал перебирать немногие книжки, стоявшие на полке. Кроме «Волшебника Изумрудного города» там еще стояли русские народные сказки, и «Страна Багровых туч» Стругацких, зачитанная до дыр и со штампом школьной библиотеки. Видимо, Витька каким-то образом ухитрился её спереть. И я даже вспомнил каким. Уединившись между стеллажами, он запишал книгу в брюки и сильнее затянул ремень, чтобы томик не провалился дальше. После чего благополучно вынес из библиотеки.

Плюнув на книги, решил почитать прессу.

Газет мы не выписывали, потому, что мама приносила их с работы, притом в таком количестве, что нам не нужна была другая растопка для печек.

Забравшись в кладовку, вытащил небольшую стопку газет «Советская Россия» и начал знакомиться с последними новостями.

Увы, надолго меня не хватило. Казенный язык отбил желание читать моментально. Еще несколько минут занимался известной игрой, представляя в голове парочку, занимающуюся сексом, читал газетные заголовки. Иногда получалось смешно, но тоже быстро надоело, возраст видимо не тот для таких игр.

В это время из окна раздался голос Валерки Лебедева. Видимо, он явился с практики опять подшофе и давал концерт соседям.

– На заливе тает лед весной,
И деревья скоро расцветут,
Только под конвоем нас с тобою
В лагеря этапом повезут.
Снова эти крытые вагоны
И колес унылый перебой,
Снова опустевшие перроны
И собак конвойных злобный вой...

Пел он, нещадно терзая гитарные струны.

– Выйти, что ли, посидеть на улице, – подумал я и, надев

сандалеты на босу ногу, вышел из квартиры.

На этот раз Валеркин концерт собрал большую аудиторию. Несколько девчонок и парней, рассевшись на куче не распиленных брёвен, внимали местному барду.

– Валера, – надув губы, недовольно заметила Карамышева, когда Лебедев закончил с очередной тюремной темой. – Ты все поёшь про эков и тюрьму. Спой лучше что-нибудь о любви.

– Для тебя, Нина, все, что хочешь, спою, – заверил Валера и, улыбнувшись, сверкнул накладной золотой фиксой. Еще вчера её не было. После чего тронул струны и негромко запел, не сводя глаз с Нины.

– Опять мне снится сон, один и тот же сон
Он вертится в моём сознание словно колесо...

Я слушал давно не слышанную песню и думал.

– А ведь не хуже Осина получается у дворового певца. Жаль, конечно, но сопьётся парень, скорее всего. Хотя может этого и не случится, всяко в жизни бывает.

Пока я думал о будущем своего соседа, Нина Карамышева пересела ближе ко мне.

– Витя, ты говорил, что сможешь со мной в выходной сходить позагорать, – утвердительно спросила она.

Я улыбнулся.

– Нина, с завтрашнего дня я работаю в больнице, так, что,

действительно свободным остаётся только воскресенье. Сегодня среда, так, что если через три дня погода не испортится, можно сходить.

– Хорошо, – сразу согласилась Нина, чем немало меня удивила, и потом продолжила. – Знаешь, моим родителям не понравилось твоё решение. Папа так вообще сказал, что если знал, что ты устраиваешься на работу, то взял бы тебя учеником моториста. По крайней мере, получал бы намного больше чем в больнице.

В это время Валера, покончив с портретом Пабло Пикассо, перешел к другой песне.

– В одном из дальних государств одной прекрасной королеве придворный шут частенько пел свои чудесные напевы.

– Ой! – воскликнула Нина, – Давай потом договорим. Мне так эта песня нравится. Я, наверно, опять плакать буду.

Возможно, концерт продолжался бы и дольше, но тучи комаров, клубившиеся над присутствующими, не способствовали адекватному восприятию дворовой музыки. Поэтому все понемногу разбрелись по домам.

Ушел домой и я, замотивировав это необходимостью рано вставать.

Нина напоследок напомнила мне про обещание, на что я с готовностью подтвердил обещанное. Карамышева загадочно улыбнулась и машинально повернула голову, и я даже понял для чего.

По привычке она искала взглядом свою подругу, чтобы

удостовериться, прониклась ли та её способностями. Вот только Светка Птичкина отсутствовала и теперь уже навсегда. Так, что Нине впору искать новую дурнушку в подруги, чтобы та восхищалась талантами местной королевы красоты.

Мама еще не пришла с работы, поэтому я не стал ложиться и ближе к её приходу разогрел ужин. Благо пустой газовый баллон нам вчера заменили.

Пришлось для этого сходить на почту и оплатить квитанцию на рубль шестьдесят две копейки.

– Вить, ты чего не спишь? – встревожено спросила мама, зайдя, домой.

– Не видишь, что ли, тебя жду, – буркнул я, отдирая прилипающие к сковородке макароны. Увы, о сковородках из будущего остаётся только мечтать.

Утром, в кои веки меня разбудил будильник. Давненько я не слышал эти звуки.

Но услышал его не только я. Мама непременно желала накормить меня завтраком, как будто мне с этим делом было не справиться.

– Ну, не ворчи, Витя, не ворчи, ты уйдешь, я снова лягу, – успокаивала она не на шутку разошедшегося сына.

Ничего сложнее яичницы она все равно не придумала, так, что через десять минут я бодро шагал на работу.

В больнице, когда я зашел в приемный покой, всем было глубоко пофиг, кто я такой и зачем здесь появился.

Так без вопросов я добрался до автоклавной и сразу попал

в цепкие лапки Жени Лукьяновой.

– Ну, наконец, явился, не запылится! – приветствовала она меня.

Часов у меня не имелось, но в приёмном покое я глянул на часы и знал, что сейчас всего лишь семь тридцать утра. Поэтому в ответ только произнес:

– И тебе доброе утро Женя.

– Я тебе не Женя, а Евгения Александровна, – сообщила медсестра.

– В таком случае, Евгения Александровна, можете ко мне обращаться Виктор Николаевич.

– Пф... какой ты Виктор Николаевич, ты просто мальчишка, – констатировала Лукьянова. – В общем, я тебе вчера все показала и рассказала, так, что можешь приступать к работе, а я ушла на пятиминутку.

– Мда, без часов сложновато, – подумал я и направился к кладовке, где хранились ведра, тряпки и прочий инвентарь. Кроме того, стояли банки с осветленным раствором хлорной извести и лизолом. Кстати, вчера я немало удивил свою начальницу, когда без проблем рассказал, как готовить раствор хлорки.

Пока Женя отсутствовала, к дверям автоклавной начали подъезжать каталки с биксами.

Очередная санитарка или медсестра заглядывала в помещение и кричала:

– Женька! Ты где? Давай забирай биксы, некогда нам

здесь торчать.

Увидев меня, они сразу сбавляли тон.

– Смотрите, девки, Женьке помощника дали, такого же доходягу, как она, – высказалась одна из санитарок.

Я же готовил свой инвентарь, не обращая внимания на подобные возгласы.

Через двадцать минут появилась Женька.

Я еще вчера заметил, что, несмотря на свою внешность, оказалась она весьма деятельной и активной особой.

Быстро навела порядок в очереди и начала загрузку автоклавов. Притом меня о помощи не попросила.

Я человек не гордый, поэтому взялся за биксы сам. Женя ревниво смотрела, как я это делаю, и с удовольствием отмечала все мои огрехи.

Однако, после того как основная часть работы была сделана и автоклавы включены моя командирша явно устала.

– Жень, посиди немного, отдохни, – посоветовал я ей, а чтобы она не возмутилась, добавил. – И ребеночку, тоже полезно отдохнуть, а то работает вместе с тобой.

Аргумент оказался убедительным, и Женя уселась за стол. Я же приступил к первой уборке. Надо сказать, Лукьянова, выполняла обязанности санитарки из рук вон плохо. По углам хватало пыли и грязи, плиточный пол даже потерял первоначальный цвет.

В принципе, это можно было понять. Учитывая беременность, главная медсестра больницы, контролировавшая ра-

боту автоклавной, относилась к Жене снисходительно. И особо не приставала. Тем более автоклавная была не на глазах, в подвале.

Но мне на снисхождение рассчитывать нечего. Через два три дня проверка качества моей работы случится неминуемо. И получу втык не только я, но и Лукьянова, за то, что плохо требует работу с санитаря.

В первые минуты работы Женя не удержалась от ехидных замечаний по поводу моих усилий.

Но в итоге, после моих язвительных ответов она успокоилась и больше с комментариями старалась не лезть. Еще бы, разве может двадцатилетняя девчонка на равных дискутировать с человеком на восьмом десятке. Но Лукьянова этого не знала, поэтому начала смотреть на меня с толикой уважения. Я же в своих словах старался особо не обижать непосредственную начальницу. Так что к трем часам дня, когда моя работа пятнадцатилетнего подростка должна была заканчиваться, Женя робко спросила:

– Витя, может, останешься до конца рабочего дня, поможешь мне с уборкой и обслуживанием автоклавов.

Естественно я согласился.

В пять часов у нас автоклавная сверкала, как наверно никогда в своей истории. Автоклавы тоже блестели оттертыми боками.

Я убирал инвентарь в кладовку, когда из бытовой комнаты меня позвала Женя.

Когда я зашел в небольшую комнатушку, медсестра протянула мне ножницы.

– Витя, разрежь, пожалуйста, завязку сзади на халате, там такой тугой узел затянулся, никак не могу развязать.

Под плотным сатиновым халатом у медсестры, похоже, кроме трусиков и бюстгалтера ничего не имелось. Наверно поэтому, когда я зашел ей за спину, чтобы глянуть на завязку, у Жени на щеках появился предательский румянец.

Отложив ножницы, попытался развязать затянувшийся узел. И в этот момент дверь в комнату распахнулась, и на нас уставился здоровый парень лет двадцати пяти.

Несчастливая Женька буквально застыла соляным столбом, как дочери Лота и только тихо повторяла:

– Миша, это не то о чём ты думаешь.

Нахмурившийся парень, в конце концов, спросил у нас:

– А что вы, действительно тут делаете?

– Что делаем? Завязку пытаемся развязать, – сообщил я в ответ. – Но раз муж пришел, вот тебе ножницы и давай сам действуй.

Миша на автомате взял у меня из рук ножницы и одним махом срезал верхнюю завязку.

Полы халата немедленно распахнулись, оголив тощие плечи его жены.

Куда только делся соляной столб. Женя, придя к жизни, громко завопила:

– Мишка, дурак! Ты что наделал? А ты, Витька, убирайся

из бытовки, я переодеваться буду.

Я вышел в автоклавную, а буквально через секунду за мной вылетел и Мишка.

Мы глянули друг на друга и одновременно засмеялись.

– Ты, это, на Женьку не злишь, – примирительно сказал он. – Она с этой беременностью, сильно изменилась, То плачет, то смеётся. Переживала вчера вечером, что тебя взяли на работу, все лишнюю копейку хотела в дом принести. Сегодня, как зашел в автоклавную сразу понял, что новый санитар взялся за работу. Не думал, правда, что ты такой мелкий. Я то Женьку вчера предупредил, что приду на разборки, вот она так и перепугалась.

А, видишь, как неловко вышло. Ты уж извини, парнишка.

С этими словами он протянул мне мощную ладонь, в которой моя ладошка утонула полностью.

– Повезло, – подумал я. – Парень попался адекватный. Другой бы, не разбираясь, заехал в челюсть и все дела. Мда, очень крупно повезло.

Незаметно, в работе, прошли остатки июля, и уже близился к концу август.

Скоро, совсем скоро впереди ждет меня поездка в совхоз. А забот у нашей семьи хватало. В июле я успел еще раз сходить на речку с Карамышевой, а затем выходные дни были отданы заботам о пропитании. По выходным мы с мамой отправлялись в лес, где собирали чернику, и уже отходящую

морошку. Так, что ягоду тащили мы из леса ведрами. Бруснику и клюкву маме в сентябре придется собрать уже одной. Грибы мы специально не искали, они были, так сказать, побочным доходом нашего ягодного промысла. Но, все равно, их было так много, что первоначальный запал на их поиски куда-то исчез.

После двадцать пятого августа мама собиралась на работу в плохом настроении.

Спросил её, в чем дело и нарвался на отповедь.

– Витька, я тебя не понимаю, ну ладно, устроился на работу, так работай, сколько тебе положено, с работы вовремя уходи, матери ведь тоже надо помочь! А ты, чем занимаешься? Разжалобила тебя беременная баба, поэтому торчишь в больнице допоздна, да за нее работаешь.

Считай, через неделю уедешь в совхоз на картошку, а мне прикажешь одной на нашем поле корячиться? Нет, так дело дальше не пойдет. Завтра, чтобы как штык дома был в три часа, начнем, благословясь, картошку копать.

Следующим днем я с утра огорчил Лукьянову тем, что сегодня уйду с работы вовремя. Ей, конечно, это не понравилось, но волшебные слова, мама ругается, сделали свое дело. Так, что в три часа я переоделся и заторопился домой. С мамы станется, вполне может отказаться меня кормить. Бывали уже инциденты.

Поднявшись из подвала в приемный покой, я оказался свидетелем небольшого спора у каталки с больной.

Дежурный врач, хирург, высокий молодой блондин с видом знатока из телевизионной передачи ходил вокруг лежащей без сознания молодой женщины. По его виду сразу было понятно, что никаких диагностических предположений у него не имелось. Поэтому он с надеждой смотрел на вещающую какие-то истины старушку-терапевта.

– Коллеги, – без всякого сомнения, у больной начало крупозной пневмонии. Все симптомы налицо, одышка, тяжесть состояния, к тому же больная находится практически в коме и недоступна контакту. Необходимо срочно сделать рентгенографию и переводить девочку в отделение интенсивной терапии. – Громко излагала она свои выводы.

Я смотрел на больную из-за спин докторов и медсестер и понемногу приходил к выводу, что скорая зря привезла больную в соматическую больницу. В психиатрию надо было её везти.

Я пролез между двумя докторицами и встал у края каталки.

– Коллеги, эту больную надо не лечить здесь, а срочно переводить в психиатрическую больницу. Уважаемая коллега права в одном, больная нуждается в лечении. Что же касается признаков пневмонии, их здесь нет. Зато главного симптома никто не догадался увидеть.

С этими словами я приподнял голову больной, и она осталась поднятой, как будто лежала на воздушной подушке.

– Как видите, коллеги, налицо типичный манифест шизо-

френии в виде кататонического ступора с восковидной гибкостью, гипертермией о чем свидетельствует только что продемонстрированный симптом Дюпре.

Так, что рекомендую вызвать психиатра для решения вопроса о переводе больной в психиатрический стационар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.